

ПОСЛЕДНИЙ ГОСТЬ

РОМАН

ПОСЛЕ ДВУХ
ЧАСОВ НОЧИ
ЛЮДИ ГОВОРЯТ
ПРАВДУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИНОГДА ОДНОЙ НОЧИ ДОСТАТОЧНО,
ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ ВСЁ

БУДЬ
ДОБРЕЕ

18+

Александр Покутний

Последний гость

<https://litres.ru/74594678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть ночи, после которых ничего не меняется.

А есть одна, после которой лучше не задавать вопросов.

Бармену тридцать два. За его спиной двенадцать лет за стойкой, несбывшиеся планы и жизнь, которая незаметно стала похожа на чужую. Этой ночью ему остаётся только закрыть бар, досчитать кассу и наконец уйти домой.

Но один гость всё ещё сидит за столиком.

Он не пьян. Не торопится. Не представляется. И почему-то говорит с барменом так, будто знает о нём больше, чем должен.

Постепенно обычная ночная смена превращается в разговор о вещах, которые люди предпочитают обсуждать только с собой: о любви, одиночестве, выборе, вине, смерти и о том, почему некоторые желания исполняются тогда, когда они уже почти не нужны.

За окнами спит город. Стрелки часов продолжают двигаться.

Пока ещё.

«Последний гость» — история об одной ночи, одном баре и встрече, которую очень легко принять за случайность.

Если, конечно, случайности вообще существуют.

Содержание

Пролог	4
Глава I. После закрытия	6
Глава II. Виктор	78
Перекур	110
Глава III. Люба	126
Американо с сахаром	189
Глава IV. Геннадий	204
Конец ознакомительного фрагмента.	239

Александр Покутний

Последний гость

Пролог

Все самые важные разговоры в моей жизни происходили после двух часов ночи. До двух люди еще пытаются казаться собой. После двух они начинают случайно говорить правду.

Я работаю барменом уже двенадцать лет. За это время я видел, как мужики плакали в писсуар, чтобы друзья не заметили. Видел, как девчонка с идеальным макияжем пила текилу так, будто хотела прожечь себе пищевод. Видел, как двое дрались из-за женщины, которая уже полчаса сосалась с третьим.

Люди вообще очень смешные. Они думают, что приходят в бар пить алкоголь. Но нет. Алкоголь можно купить в магазине в три раза дешевле. В бар приходят покупать свидетеля.

Бармен — это единственный человек, которому можно рассказать про свою жизнь и не чувствовать себя обязанным потом поздравлять его с днем рождения.

Я давно понял одну вещь. Человек не боится умереть. Человек боится, что никто не заметит, что он вообще жил. Поэтому люди разговаривают, пишут книги, заводят детей, выкладывают сторис, набивают татуировки, женятся, разводят-

ся, покупают дорогие машины, спорят в интернете.

Все это — один большой способ оставить отпечаток ладони на запотевшем стекле вселенной.

«Я был здесь».

Только вот стекло постоянно запотевает снова и снова.

В тот вечер бар уже закрывался. Я перевернул стулья. Протер стойку. Выключил половину света. По старой привычке налил себе двадцать граммов виски, хотя давно перестал понимать его вкус. После тысячи бутылок алкоголь становится не напитком, а температурой.

За окном шел дождь.

Такой дождь, который не льет, а будто долго и терпеливо стирает город ластиком. В дверь постучали.

Не громко. А будто человек заранее был готов к тому, что ему не откроют. Я посмотрел на часы.

Три семнадцать. Самое честное время суток.

Открыл. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти.

Хотя нет. Через секунду мне показалось, что ему сорок. Потом семьдесят. Потом вообще невозможно было определить возраст. Есть лица, которые стареют. А есть лица, которые просто долго существуют.

На нем была самая обычная одежда. Такая обычная, что через минуту ты уже не сможешь вспомнить, какого цвета была куртка.

Он улыбнулся.

Глава I. После закрытия

Есть люди, которые после закрытия бара становятся свободнее.

Официанты распускают фартуки, повара наконец снимают кители, администратор перестает улыбаться так, будто ему за это доплачивают отдельно, а бармен получает возможность включить музыку, которую действительно хочет слушать.

Есть и другая категория людей.

Они ближе к закрытию почему-то начинают работать еще больше.

Я относился ко второй.

— Вы всегда так тщательно это делаете? — спросил мужчина.

Я посмотрел на него.

Он сидел на крайнем стуле у стойки, положив руки перед собой. Пальцы были сцеплены спокойно, без напряжения. Куртку он снял и повесил на спинку соседнего стула, хотя обычно люди бросают одежду куда придется, а потом удивляются, почему рукав оказался в разлитом пиве.

Перед ним стоял стакан воды.

Я сам его поставил минут десять назад.

Он сделал два глотка.

Именно два.

— Что именно?

— Протираете стойку.

Я посмотрел на тряпку в своей руке.

Потом на стойку.

— Она грязная.

Мужчина наклонился вперед и внимательно осмотрел де-рево.

— Где?

— Везде.

— Я ничего не вижу.

— Поэтому вы гость, а я бармен.

Он улыбнулся.

Я провел тряпкой еще раз.

На самом деле стойка действительно была почти чистой. Несколько круглых следов от бокалов, пара капель воды возле мойки, едва заметная липкость там, где часа полтора назад какая-то девушка разлила апероль и попыталась исправить ситуацию салфеткой.

Люди вообще очень любят исправлять разлитые напитки салфетками. Это почти никогда не помогает, но они начинают яростно размазывать жидкость по столу, увеличивая площадь катастрофы примерно в четыре раза, после чего смотрят на тебя с выражением человека, который сделал все возможное.

Особенно хорошо работает с пивом. Если разлить двести миллилитров пива и достаточно быстро начать возить по

нему салфеткой, можно получить около квадратного метра липкого стола. Наверное, существует какая-нибудь формула. Я никогда не считал.

— А вы давно работаете барменом? — спросил он.

— Давно.

— Это сколько?

Я пожал плечами.

— Достаточно, чтобы перестать считать.

— А здесь?

— Здесь не очень.

Он кивнул, будто получил исчерпывающий ответ. Мне это понравилось.

Обычно после такого люди зачем-то продолжают:

«А где раньше работал?»

«А почему ушел?»

«А нравится?»

«А сколько зарабатываешь?»

Особенно последний вопрос. Человек может не знать твоего имени, но через пять минут знакомства почему-то уже готов выяснять размер твоей зарплаты, количество бывших женщин и отношение к ипотеке.

Мужчина ничего не спросил.

Я бросил тряпку в мойку и пошел вдоль бутылок. После смены бар выглядел иначе. При гостях он всегда был немного театром. Свет бил в бутылки сзади, и дешевые сиропы становились похожи на витражи. Стекло блестело. Лед звенел.

Музыка смешивалась с голосами, смехом, кофемолкой, шейкерами и вечным:

— Девушка, а можно счет?

Даже если за стойкой стоял я.

Иногда мне хотелось отвечать:

— Можно, девушка.

Но профессионализм — это в том числе способность не реализовывать каждую хорошую идею.

После закрытия декорации оставались, а спектакль заканчивался. Свет становился слишком ярким. Музыка — слишком тихой. Стулья стояли неправильно.

На стеклянной витрине проступали отпечатки пальцев, которых днем будто не существовало. В мойке лежал один забытый стрейнер. Под кофемашиной обнаружилась кофейная крошка. Барные коврики пахли смесью джина, лимона, пива и тяжелого человеческого дня.

Холодильники гудели. Ледогенератор иногда вздрагивал и сыпал очередную порцию льда в бункер, хотя никто уже ничего не заказывал.

За окном шел дождь. Не ливень. Обычный затяжной дождь, которому явно некуда было торопиться.

Вода медленно ползла по витрине, собиралась в толстые дорожки и искажала улицу за стеклом. Светофор напротив превращался в красное пятно, потом в зеленое, потом снова в красное.

Машин почти не было.

Я посмотрел на мужчину.

Он смотрел на улицу.

Странный был тип.

Не в плохом смысле.

Я за годы работы видел достаточно странных людей, чтобы слово «странный» окончательно потеряло для меня отрицательный оттенок.

Однажды мужчина минут сорок объяснял мне, почему голуби являются частью системы городского видеонаблюдения. Он говорил вполне убедительно. После третьего виски я даже начал сомневаться.

В другой раз женщина принесла с собой маленький камень и попросила поставить рядом с ним второй бокал вина. Камень, как выяснилось, звали Аркадий. Она заплатила и за него. После этого я перестал осуждать чужие отношения.

Но этот мужчина был странным иначе. Он не делал ничего странного. Вот что меня раздражало.

Обычная одежда. Темные брюки. Рубашка. Ничего дорогого, ничего дешевого. Лицо, которое я почему-то не мог нормально запомнить, хотя смотрел на него уже несколько раз.

Я хорошо запоминал людей. Не лица. С лицами у меня бывало по-разному. Я мог через неделю не вспомнить, был человек блондином или брюнетом, зато помнил, что, когда он рассказывал о своей жене, три раза повернул обручальное кольцо вокруг пальца. Мог забыть цвет платья девушки, но

вспомнить, что перед первым свиданием она заказала сухое белое, посмотрела, что заказал мужчина, и сразу поменяла его на пиво.

Люди слишком много говорят телом. Особенно когда стараются ничего не сказать. Этот почти ничего не говорил. И телом тоже. Сидел спокойно. Не проверял телефон. Не осматривал бутылки. Не смотрел на дверь. Не постукивал пальцами. Не качал ногой. Не пытался поймать мой взгляд каждый раз, когда хотел заговорить. Просто ждал.

Я достал из холодильника открытую бутылку тоника, посмотрел на остаток и вылил в раковину.

— Жалко, — сказал мужчина.

— Тоник?

— Да.

— Вы сентиментальны.

— Просто не люблю, когда что-то выбрасывают.

— Тогда работа в общепите убила бы вас за неделю.

— Много выбрасываете?

— Достаточно, чтобы человек, который придумал фразу «хлеб всему голова», пришел сюда и устроил стрельбу.

Он засмеялся.

Негромко.

Хорошо.

Не из тех людей, которые показывают, что оценили шутку, ударом ладони по стойке и криком: «Бля, хорош!». Таких я тоже любил, но не в три часа ночи.

Я ополоснул бутылку и поставил ее к пустому стеклу.

— А почему не оставить на завтра?

— Газ выйдет.

— И?

— И завтра какой-нибудь человек заплатит деньги за джин-тоник, а получит сладкую воду с депрессией.

— Вы переживаете за него?

— За тоник.

Он снова улыбнулся.

Я открыл холодильник.

Проверил бутылки.

Закрыл.

Через пару секунд открыл еще раз.

Мужчина это заметил.

— Что-то забыли?

— Нет.

— Тогда зачем второй раз?

— Проверил, закрыт ли.

— Вы только что его закрыли.

— Я знаю.

— И уже не доверяете себе?

Я посмотрел на него.

— Вы пришли поговорить или разрушить мою психику?

— Я пока выбираю.

— Тогда виски эффективнее.

Я взял несколько бокалов и понес их к мойке. Он прово-

дил меня взглядом. Это я тоже заметил. Вообще мне не нравилось, когда за мной наблюдали.

Звучит смешно, учитывая профессию.

Бармен большую часть жизни проводит буквально на сцене размером три на четыре метра, где любой желающий может смотреть, как ты работаешь, ешь, пьешь воду, проверяешь телефон, режешь лимон и пытаешься незаметно поправить трусы.

Но одно дело — когда человек просто смотрит в твою сторону. Другое — когда он наблюдает.

Я чувствовал разницу. Этот наблюдал.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Вы тоже.

Я замер с бокалом в руке.

— Это моя работа.

— Смотреть на людей?

— В том числе.

— Интересная работа.

— Вы никогда не работали с людьми?

Он подумал. Вот именно подумал. Не сделал вид.

Большинство людей отвечает на простой вопрос сразу. Даже если ответа еще нет. Им не нравится тишина между вопросом и ответом. Кажется, будто пауза делает их глупее. Этот молчал секунд пять.

— Работал, — наконец сказал он.

— И?

— Сложно.

— Значит, работали.

Он тихо рассмеялся.

Я поставил бокал в мойку.

— Чем занимались?

— Много чем.

— Прекрасный ответ.

— Вы тоже сказали, что давно работаете барменом.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что я за стойкой. Здесь правила устанавливаю не я.

— Удобно.

— Ради этого люди и идут в профессию.

— Я думал, ради любви к напиткам.

— Это первые полгода.

Я включил воду. Теплая струя ударила по стеклу. В пустом баре вода звучала громче музыки. Я уменьшил напор.

— А потом? — спросил мужчина.

— Потом ты понимаешь, что любовь к напиткам вообще плохо связана с работой бармена.

— Почему?

— Потому что бармен работает не с напитками.

— А с чем?

— С людьми.

Я сказал это совершенно автоматически и только потом понял, что прозвучало чуть глубже, чем планировалось.

Поэтому добавил:

— А напитки просто приходится таскать.

— Тяжелые?

— Люди тяжелее.

Он опять усмехнулся.

— Особенно после закрытия?

— Особенно перед.

Я начал мыть бокалы. Стекло привычно скользило в руках.

За годы у меня появилась странная уверенность в том, что бокал можно удержать практически из любого положения. Он мог выскользнуть из мокрых пальцев, удариться о край мойки, начать падать — рука все равно ловила его раньше, чем я успевал испугаться.

Иногда.

Иногда он разбивался нахуй.

И тогда вся многолетняя профессиональная грация превращалась в совок и веник.

Я поставил чистый бокал сушиться. Мужчина смотрел на мои руки. На костяшках и пальцах белели старые шрамы. Большинство появилось еще до того, как я впервые встал за стойку. Детство вообще оставило на мне довольно много мелких автографов. Я заметил его взгляд. Он сразу посмот-

рел на мое лицо. Не отвел глаза в сторону, как делают люди, которых поймали. Просто сменил точку внимания.

— Дрались? — спросил он.

Я посмотрел на руки.

— В детстве.

— Часто?

— Достаточно, чтобы сейчас считать драки очень переоцененным способом коммуникации.

— Помогало?

— Конечно. Особенно хорошо помогает понять, что у другого человека тоже есть кулаки.

Он кивнул.

Я вытер руки полотенцем.

— А вы?

— Что я?

— Дрались?

— Было.

— Вы не похожи.

— А вы похожи?

Я посмотрел на свое отражение в зеркале за бутылками.

Лысая голова. Короткая темная борода, которую уже пора было снова подравнять. Еще несколько дней — и вместо легкой небрежности появится та самая бомжеватость, которая после тридцати почему-то развивается значительно быстрее, чем мудрость. Под левым глазом темнел маленький лотос. Шея уходила в черную футболку. В целом человек, увидев-

ший меня ночью в темном переулке, вряд ли первым делом захотел бы спросить дорогу до библиотеки.

— Справедливое замечание, — сказал я.

Мужчина улыбнулся.

Я снял барный коврик, под ним обнаружилась лужица воды.

Конечно.

Она всегда там.

Можно вытереть бар насухо, перекрыть воду, вызвать шамана, прочитать молитву Посейдону — утром под ковриком все равно будет вода.

Я протер ее.

Мужчина наблюдал.

— Вы не торопитесь домой?

Вопрос был обычный, но почему-то я посмотрел на часы.

Три семнадцать.

Я нахмурился и вспомнил, что уже смотрел на них совсем недавно.

Наверное.

Дома меня ждали.

Не человек.

Собака. Что, если подумать, иногда значительно надежнее.

Человек может сказать, что скучал по тебе, а потом три часа сидеть в телефоне. Собака встречает так, будто ты вернулся с войны, даже если вышел вынести мусор. Я предста-

вил, как он лежит где-нибудь возле двери или занял кровать целиком, несмотря на собственные весьма скромные габариты.

Стало немного стыдно.

— Тороплюсь, — сказал я.

— Но не выгоняете меня.

Я посмотрел на мужчину.

— Вы мешаете?

Он оглянулся вокруг.

— Не знаю.

— Вот и я пока не решил.

— Значит, выбираете?

— Что?

— Поговорить со мной или разрушить мою психику.

Я усмехнулся.

— Быстро учитесь.

— У меня было много времени.

Я машинально поднял глаза. Он уже смотрел на стойку.

Обычная фраза.

Совершенно обычная.

Так можно было сказать о возрасте. О жизни. О скучной работе. О долгой дороге. О чем угодно.

Я снова взял тряпку.

— Вы пить все-таки будете?

— А что посоветуете?

— Не знаю. Что любите?

— А что обычно пьют люди в три часа ночи?

— Ошибки.

Он посмотрел на меня. Я вздохнул.

— Простите. Профессиональная деформация.

— Нет, мне нравится.

— Тогда у нас огромный выбор. Ошибок на любой вкус.

Есть выдержанные, есть игристые, есть двенадцатилетние шотландские. Некоторые утром особенно хорошо раскрываются.

— А без ошибок?

— Вода.

Он посмотрел на свой стакан.

— Разумно.

— Поэтому её реже заказывают.

Мужчина взял стакан и сделал третий глоток. Небольшой.

Поставил точно на то же место.

Я заметил.

Конечно заметил.

Потом прошел вдоль стойки и начал разворачивать бутылки этикетками вперед.

Одна.

Вторая.

Третья.

Бурбон стоял чуть криво.

Поправил.

Рядом джин.

Поправил.

Ликер кто-то засунул не на свое место.

Переставил.

— Зачем? — спросил мужчина.

— Что?

— Этикетки.

— Чтобы утром было красиво.

— Но утром вы снова их возьмете.

— Да.

— И они снова будут стоять неровно.

— Да.

— Тогда зачем сейчас?

Я посмотрел на него.

— Вы дома кровать заправляете?

Он немного подумал.

— Иногда.

— Зачем? Вы же вечером снова в нее ляжете.

— Хороший аргумент.

— Спасибо.

— Но я не говорил, что заправлять кровать имеет смысл.

Я остановился.

— Слушайте, а вы опасный человек.

— Почему?

— Еще минут десять — и мы придем к тому, что посуду тоже можно не мыть, потому что из нее снова будут есть.

— Можно есть руками.

— Выйдите из моего бара.

Он рассмеялся.

Я тоже.

И впервые с того момента, как он вошел, мне стало немного проще. Не спокойнее. Именно проще, как бывает с незнакомым человеком, когда наконец находишь правильную дистанцию для разговора.

Не друг.

Не клиент.

Не собеседник пока даже.

Просто человек на другом конце стойки, которому можно сказать какую-нибудь ерунду и не думать, что она означает.

Я закончил с бутылками.

Отошел на шаг.

Посмотрел.

Теперь все стояло правильно.

Почти.

Я поправил бурбон еще на пару миллиметров.

— Так лучше? — спросил мужчина.

— Значительно.

— Я не вижу разницы.

— Поэтому вы гость.

— А вы бармен.

— Наконец-то.

За окном проехала машина. Шины разрезали воду на дороге, и на несколько секунд по витрине пробежал белый свет

фар. Я увидел в стекле наше отражение.

Себя — за стойкой.

Его — напротив.

Между нами рядами стояли бутылки. Отражение получилось странным: будто мы находились не внутри бара, а где-то за стеклом и смотрели оттуда на пустое помещение. Я от-
вернулся первым.

— Музыка не мешает? — спросил я.

— Нет.

— Могу поменять.

— Вам нравится?

Я прислушался.

Тихо играл какой-то старый рок. Я включил плейлист еще во время уборки и уже перестал замечать музыку.

— Нравится.

— Тогда зачем менять?

— Гость всегда прав.

— Это правда?

— Нет. Но фраза красивая.

— А как на самом деле?

Я сложил грязные полотенца в пластиковый контейнер.

— Гость имеет право быть неправым в комфортной обстановке.

Мужчина рассмеялся.

— Хорошее правило.

— Мое.

— Давно придумали?

— Секунд семь назад.

— Тем более.

Я закрыл контейнер. Оставалось не так много. Касса. Кофемашина. Пол. Проверить холодильники еще раз, потому что я все равно проверю их еще раз, сколько бы незнакомцев ни ставили под сомнение мое психическое здоровье. И можно домой.

Я снова посмотрел на часы.

Три семнадцать.

На этот раз задержал взгляд чуть дольше.

Секундная стрелка двигалась.

Наверное.

Я не стал всматриваться.

— Вы часто работаете ночью? — спросил мужчина.

— Постоянно.

— Привыкли?

— К ночи — да. К людям — нет.

— Они меняются ночью?

Я задумался.

Вопрос мне понравился.

— Нет, — сказал я. — Скорее устают.

— И?

— Уставшему человеку сложнее изображать человека, которым он хочет казаться.

Мужчина медленно провел большим пальцем по стеклу

стакана. Первое лишнее движение за весь разговор. Я отметил это машинально.

— Поэтому вам нравится работать ночью?

— Я не говорил, что мне нравится.

— Но вы много лет это делаете.

— Люди много лет делают вещи, которые им не нравятся.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Зарплата.

Он улыбнулся.

Я тоже. Вот так мне нравилось больше. Без великих вопросов. Без ответов на устройство мира. Просто два человека в закрытом баре обсуждают работу, пока один из них моет бокалы, а второй почему-то не уходит.

Я взял его стакан.

— Еще воды?

— Да, пожалуйста.

Налил. Поставил перед ним. Он посмотрел на воду. Потом на меня.

— А вы никогда не думали сменить работу?

— Конечно.

— На что?

Я открыл рот и тут же закрыл. Обычно на такие вопросы у меня было слишком много ответов.

Писать.

Рисовать.

Снимать.

Делать мультфильмы.

Выучить несколько языков.

Однажды мне вообще казалось вполне реалистичным одновременно стать писателем, мультипликатором, путешественником и человеком, который просыпается в семь утра без желания умереть.

Последнее оказалось самым фантастическим.

— На что-нибудь нормальное, — сказал я.

— Например?

— Не знаю.

— Значит, бар вам нравится.

— Я этого не говорил.

— Но и уйти не знаете куда.

— Вы неприятно разговариваете для человека, которому я бесплатно наливаю воду.

— Могу заплатить.

— Тогда продолжайте.

Он улыбнулся.

Я взял полотенце и начал протирать бокал. Медленно. Хотя он уже был сухой.

— Иногда нравится, — сказал я через некоторое время.

Мужчина ничего не ответил и это снова было правильно.

— Иногда ненавижу, — добавил я.

Он кивнул.

— Иногда за одну смену успеваю и то и другое.

— Из-за людей?

— Обычно.

— А сегодня?

Я вспомнил вечер.

Пару на первом свидании, которая первые сорок минут разговаривала исключительно о путешествиях, хотя было очевидно, что оба последний раз выезжали дальше области года три назад. Мужчину, который дважды попросил сделать коктейль «покрепче», а потом удивился счету. Компания девушек. Одна весь вечер смеялась громче остальных, а потом минут пять плакала в туалете и вышла оттуда с совершенно нормальным лицом. Парень у окна, который каждые тридцать секунд проверял телефон. Никто ему так и не написал.

— Нормально, — сказал я.

— Просто нормально?

— Лучший вид смены.

— Почему?

— Когда очень хорошо — обычно случится какая-нибудь хуйня.

Мужчина поднял брови.

— А когда плохо?

— Хуйня уже случилась.

Он засмеялся. На этот раз громче.

Я поставил бокал на полку. Дождь продолжал стекать по витрине. Холодильник за моей спиной выключился, и на несколько секунд бар стал почти совершенно тихим. Я услы-

шал только музыку, воду в трубах, дождь и дыхание человека напротив.

Странно, насколько большим становится помещение, когда из него уходят люди. Еще пару часов назад здесь было тесно. Теперь между мной и дверью помещалась целая ночь.

— А вы? — спросил я.

— Что я?

— Вы сказали, что работали с людьми.

— Да.

— И что в них самое сложное?

Он посмотрел на меня.

Не сразу ответил.

Я уже знал, что он так делает, поэтому продолжил вытирать стойку.

— Они редко хотят того, о чем просят, — сказал он.

Я поднял глаза.

— Это сейчас про бар?

— А какая разница?

— Большая. Если человек просит пиво, обычно он хочет пиво.

— Всегда?

Я хотел ответить.

Но вспомнил слишком много людей.

Тех, кто приходил «просто выпить».

Тех, кто садился возле стойки, хотя в зале были свободные столы.

Тех, кто говорил, что совершенно не хочет обсуждать развод, и через восемь минут показывал фотографии бывшей жены.

Тех, кто заказывал еще один коктейль не потому, что хотел пить, а потому, что дома никто не ждал.

Тех, кто, наоборот, слишком долго сидел здесь именно потому, что дома ждали.

Я посмотрел на мужчину.

Он спокойно пил воду.

— Почти всегда, — сказал я.

Он улыбнулся.

Едва заметно.

Меня это почему-то задело.

— Только не начинайте, — сказал я.

— Что?

— Вот это.

— Что именно?

— Загадочно улыбаться после обычных фраз. У меня был преподаватель, который так делал. Казалось, будто он знает тайну мироздания. Потом выяснилось, что он просто не высыпается.

— Я постараюсь.

— Спасибо.

Я снова посмотрел на часы.

Нахмурился.

Потом достал телефон.

Экран загорелся.

3:17.

Я несколько секунд смотрел на цифры.

— Что-то не так? — спросил мужчина.

— Нет.

Я убрал телефон. Наверное, показалось. После ночных смен время вообще начинает вести себя как мудака. Два часа могут пройти за пятнадцать минут, а последние двадцать минут уборки способны длиться до следующего геологического периода.

Я взял кассу.

Мужчина отвернулся к окну.

Я начал считать деньги.

Раз.

Два.

Три.

Сбился.

Начал заново.

Не люблю, когда со мной разговаривают во время подсчета.

Он молчал.

Я досчитал.

Сумма сошлась.

Это всегда маленькая победа.

Не такая, чтобы звонить родителям или открывать шампанское, но достаточная, чтобы на секунду почувствовать се-

бя человеком, который контролирует хотя бы один аспект собственной жизни.

Я закрыл кассу.

— Все? — спросил мужчина.

— Почти.

— И сколько длится ваше «почти»?

— В баре?

— Да.

— Обычно минут сорок.

— А сегодня?

Я посмотрел вокруг.

Все было готово.

Почти.

Разумеется.

Всегда оставалось это «почти».

Еще одна тряпка.

Еще один бокал.

Еще одна бутылка.

Еще раз проверить холодильник.

Еще раз посмотреть на витрину.

Еще одна мелочь, которая позволяла не выключать свет и не выходить под дождь.

Я вдруг понял, что не тороплюсь заканчивать.

Хотя дома ждала собака.

Хотя я устал.

Хотя завтра — точнее, уже сегодня — мне снова нужно

было жить свою совершенно обычную жизнь.

Я посмотрел на мужчину.

Он не торопил.

Не просил налить.

Не просил рассказать.

Не пытался объяснить мне ничего важного.

Просто сидел.

И, кажется, впервые за весь разговор я не пытался понять, зачем.

— Минут десять, — сказал я.

— Хорошо.

— А потом придется уходить.

— Конечно.

Я взял тряпку.

— Обоим.

Он посмотрел на меня.

— Разумеется.

Я кивнул и снова начал протирать уже чистую стойку. Я провел тряпкой от одного края стойки до другого. Потом обратно. На третий раз понял, что мужчина смотрит на меня.

— Даже спрашивать не буду, — сказал он.

— И правильно.

— Она уже чистая.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— А вот теперь уже спрашиваете.

Он улыбнулся и снова взял стакан.

Воды осталось примерно половина. Пил он медленно, маленькими глотками. Не потому что растягивал напиток — воду вообще сложно растягивать с достоинством, — скорее просто не испытывал необходимости что-то делать руками.

Большинство людей испытывает.

Особенно когда остается один на один с незнакомцем.

Телефон, сигарета, стакан, меню, салфетка, ложка — человеку обязательно требуется маленькое алиби для рук. Даже если поговорить он пришел добровольно, тело все равно ведет себя так, будто его вызвали к директору.

Мужчине алиби не требовалось.

Я положил тряпку на край мойки.

— Вы сказали, что пришли поговорить.

— Сказал.

— Пока в основном говорю я.

— Вы недовольны?

Я задумался.

— Нет.

— Тогда все идет хорошо.

— Отличная техника разговора.

— Рабочая.

— Дорого берете?

— Сегодня бесплатно.

— Уже подозрительно.

Он посмотрел на меня с легким интересом.

— Вы никому не доверяете?

— С чего вы взяли?

— Вы несколько раз назвали подозрительным то, что вам ничего не стоит.

— Это не недоверие. Это жизненный опыт.

— Есть разница?

— Конечно.

— Какая?

— Недоверие — это когда думаешь, что тебя хотят наебать. Жизненный опыт — когда знаешь это наверняка, но просто еще не понял как.

Мужчина рассмеялся.

Я открыл посудомоечную машину. Оттуда пахло горячим влажным воздухом. На секунду запотели очки одной из бутылок на нижней полке — вернее, если бы у бутылок были очки, они бы точно запотели. Я устал. Я вытащил корзину. Бокалы были горячими. Некоторые бармены берут их сразу, не обращая внимания. Я тоже когда-то брал. Потом пару раз обжег пальцы и вспомнил, что эволюция вроде как дала человеку способность учиться. Поставил корзину на край.

— А почему бар? — спросил мужчина.

— Что бар?

— Почему вы стали барменом?

Вот этот вопрос я слышал много раз. Обычно его задавали люди, которые считали профессию чем-то вроде остановки между университетом и настоящей жизнью.

«А вообще кем хочешь стать?»

«А образование есть?»

«А дальше что?»

Словно бармен обязательно должен куда-то дальше.

Как подросток.

Или заболевание.

Я посмотрел на него.

Но никакого снисхождения в лице не было.

Просто вопрос.

— Случайно, — сказал я.

— Совсем?

— Почти все важное начинается случайно.

Он чуть поднял бровь.

— Вы сейчас сами философствуете.

— Не привыкнуть бы.

Я взял один из горячих бокалов за ножку.

— Работал когда-то с кофе. Потом с алкоголем. Потом понял, что умею это лучше, чем множество вещей, которыми хотел заниматься.

— Какими?

— Вы настойчивый.

— Вы уходите от ответа.

— Я бармен. У нас это называется сервис.

— А я думал, сервис — это отвечать на вопросы.

— Нет. Сервис — это сделать так, чтобы человек был доволен, даже если ты на его вопрос не ответил.

— И у вас получается?

— Вы пока сидите.

Он посмотрел вокруг.

— Возможно, мне просто некуда идти.

Фраза прозвучала буднично.

Без трагедии.

И именно поэтому я задержал на нем взгляд.

Он не изменился в лице. Не посмотрел в окно. Не опустил глаза. Не сделал ничего из того, что обычно делают люди, когда случайно говорят о себе чуть больше, чем собирались.

Может, я придумал. Такое тоже случалось. Наблюдательность легко перепутать с привычкой приписывать окружающим внутреннюю жизнь, о которой они тебя не просили.

— Всем есть куда идти, — сказал я.

— Уверены?

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

— Чтобы разговор не завис.

— Вы не любите паузы?

Я посмотрел на него.

— А вы любите?

— Иногда.

Он замолчал.

Вот просто взял и продемонстрировал.

Я усмехнулся и начал доставать бокалы.

Один.

Второй.

Третий.

Пауза действительно не была неприятной. Это меня удивило.

С некоторыми людьми молчание появляется в комнате как третье лицо, которому никто не рад. Все сразу начинают судорожно искать тему: погода, работа, цены, пробки, чья-нибудь свадьба, чья-нибудь смерть, лишь бы не слышать собственное дыхание.

С ним молчать было нормально.

Мне это не понравилось еще сильнее, чем его вопросы.

Я расставил бокалы на полке.

— Допустим, — сказал он наконец, — вы могли бы завтра проснуться и заниматься чем угодно. Деньги не проблема. Обязательств нет. Что бы вы выбрали?

— Спать дальше.

Он засмеялся.

— После сна.

— Завтрак.

— После завтрака.

— Вы очень плохо понимаете, как устроен выходной.

— Хорошо. После завтрака.

Я прислонился бедром к тумбе.

Хотелось ответить какой-нибудь очередной ерундой. Это был удобный рефлекс. Если вопрос приближался к чему-то личному, можно было кинуть перед ним шутку и посмотре-

реть, споткнется ли. Мужчина, кажется, не спотыкался.

— Писал бы, наверное, — сказал я.

— Что?

— Книги.

Он не удивился. Почему-то это немного обидело.

— Почему «наверное»?

— Потому что человек, который хочет писать книги, обычно пишет книги.

— А вы не пишете?

— Иногда.

— Значит, пишете.

— Иногда — это прекрасное кладбище для человеческих амбиций.

— Сильная формулировка.

— Я ее украду для книги.

— У кого?

— У себя.

— Это законно?

— Пока не поймают.

Я взял еще один бокал. На стекле осталась капля. Провел по ней полотенцем.

— Еще хотел рисовать, — добавил я.

— Хотели?

— Хотел.

— Уже нет?

— Вы любите прошедшее время?

— Вы его используете.

Я посмотрел на него.

Снова.

Он не давил и от этого давил сильнее.

— Хотел делать мультфильмы, — сказал я. — Анимацию.

Всякое такое.

— И?

— И работаю барменом.

— Это я вижу.

— Вот и вся история.

— Короткая.

— Зато без провисаний во втором акте.

Он не сразу понял шутку.

Потом улыбнулся.

— Вы любите кино.

Это прозвучало не вопросом.

— Люблю.

— Как книги?

— По-разному. Но да.

— Многие считают кино чем-то попроще.

— Многие считают виски с колой преступлением. Я давно перестал ориентироваться на общество.

— А это преступление?

— Смотря какой виски.

— Хороший?

— Тогда да.

— Плохой?

— Тогда кола оказывает первую помощь.

Он засмеялся.

Я убрал полотенце.

Окинул взглядом рабочую зону.

Теперь оставался пол.

Это я ненавидел.

В баре существует четкая иерархия работ после закрытия.

Мыть красивые бокалы — почти медитация.

Расставлять бутылки — порядок.

Считать кассу — тревога.

Мыть пол — напоминание, что какое бы количество коктейлей ты ни научился готовить, в конце вечера все равно возьмешь швабру.

Я достал ведро.

Мужчина посмотрел на него.

— Сейчас вы скажете, что пол тоже чистый? — спросил я.

— Я ничего не говорил.

— Но подумали.

— Вы умеете читать мысли?

— Нет. Лица проще.

— Мое читаете?

Я поднял взгляд.

— Плохо.

Он явно заинтересовался.

— Почему?

Вот теперь вопрос был мой любимый.

Не потому что хороший.

Потому что ответа не было.

Я налил воду в ведро.

Добавил средство.

Запах химии моментально перебил остатки кофе, лимона
и алкоголя.

— Не знаю, — сказал я.

— Такое часто бывает?

— Нет.

— Вас это беспокоит?

— Уже да.

— Почему?

— Потому что теперь вы выглядите довольным.

Он действительно выглядел довольным.

Не самодовольно.

Скорее так, как человек, которому подтвердили маленькую гипотезу.

— Может быть, у меня просто простое лицо.

— Не льстите себе.

— То есть сложное?

— Вот видите. Уже пытаетесь получить комплимент.

— От бармена в три часа ночи?

— У людей бывают странные потребности.

Я поставил ведро на пол.

— Ноги.

Он посмотрел вниз.

— Что?

— Поднимите ноги.

— Вот так?

Он поставил ступни на нижнюю перекладину стула.

— Идеально.

Я провел шваброй под ним.

— Никогда еще разговор со мной не требовал такой координации.

— У нас премиальный сервис.

— Чувствуется.

Я шел от одного конца стойки к другому.

Пол блестел под светом.

На нем обнаруживались обычные археологические находки вечерней смены: кусочек салфетки, две пластиковые трубочки, половинка арахиса, монетка в десять рублей.

Я поднял монету.

— Богатство, — сказал мужчина.

— Еще лет двадцать, и можно будет закрыть ипотеку.

— Есть ипотека?

— Нет.

— Тогда быстрее.

Я сунул десятку в стакан для мелочи.

— Вы задаете много вопросов для человека, который пришел поговорить.

— Мне казалось, это связано.

— Не обязательно. Некоторые прекрасно разговаривают, вообще ничего не спрашивая.

— Вы их любите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда они обычно рассказывают о себе.

— А вы не любите слушать людей?

Я остановил швабру.

— Люблю.

— Но?

— Смотря людей.

— Как выбираете?

Я усмехнулся.

— Вы точно нигде не работали следователем?

— Нет.

— Психологом?

— Нет.

— Священником?

Он чуть заметно улыбнулся.

— Тоже нет.

— Тогда у меня заканчиваются профессии, где принято задавать вопросы и не отвечать на свои.

— Бармен.

Я замолчал.

Он указал взглядом на меня.

— Бармен тоже подходит.

— Ладно. Один-ноль.

Я продолжил мыть пол. За витриной дождь усилился. Не сильно. Просто теперь отдельные капли уже нельзя было различить: стекло покрылось движущимся слоем воды, и город за ним окончательно расплылся. Светофор снова сменил цвет.

Красный.

Потом...

Я отвернулся.

— А зачем люди рассказывают вам личное? — спросил мужчина.

— Потому что пьяные.

— Все?

— Нет.

— Тогда почему?

Я отжал швабру.

— Не знаю. Наверное, потому что меня можно больше никогда не увидеть.

— Удобно.

— Очень. Я как платная исповедь, только вместо отпущения грехов даю чек.

— И помогает?

— Чек?

— Рассказать.

Я пожал плечами.

— Иногда.

— Вы запоминаете?

— Что?

— То, что вам рассказывают.

— Многое.

— Даже спустя годы?

— Некоторые вещи.

— Например?

Я собирался ответить абстрактно.

Не получилось.

В голове сразу появились лица.

Мужчина лет сорока, который пришел отпраздновать рождение дочери и весь вечер говорил, как боится быть похожим на собственного отца.

Девушка, сообщившая мне, что изменяет мужу, а потом минут двадцать объяснявшая, почему это совершенно не считается.

Парень, который заказал одну рюмку водки после звонка из больницы.

Женщина, ждавшая человека, который так и не пришел.

Старик, каждую пятницу заказывавший два бокала коньяка, хотя приходил один.

Все это оставалось где-то во мне.

Ненужный архив чужих жизней.

— Например, — сказал я, — однажды мужик три часа рассказывал мне, что разводится из-за кота.

— Из-за кота?

— Да.

— Чьего?

— Вот с этого и началась проблема.

Мужчина улыбнулся.

— Он был жены?

— Изначально ничей. Они подобрали его вместе.

— Тогда почему развод?

Я прислонился к швабре.

— Потому что жена считала, что кот больше любит ее.

Муж считал, что кот любит его. Потом жена сказала, что заберет кота при разводе.

— Они уже собирались разводиться?

— Нет.

— Подождите.

Он выпрямился.

— То есть они начали обсуждать гипотетический развод из-за того, кому достанется кот, и в итоге реально решили развестись?

— Вот теперь вы понимаете людей.

Мужчина рассмеялся.

— И чем закончилось?

— Кот остался у ее матери.

— Почему?

— Потому что они оба снимали квартиры, где нельзя с животными.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Это ужасная история.

— По-моему, великолепная.

— Они помирились?

— Нет.

— А кот?

— Насколько я знаю, счастлив.

— Значит, единственный разумный участник.

— Он первым вышел из отношений.

Мужчина покачал головой.

— И вы такое помните.

— Такое сложно забыть.

— А серьезные истории?

Я поставил швабру обратно в ведро. Вопрос прозвучал легко, но я снова почувствовал тот же прием. Он словно сначала открывал дверь шуткой, а потом предлагал посмотреть, что за ней.

— Их тоже, — сказал я.

— Почему?

— Потому что люди думают, что если рассказали что-то незнакомому человеку, история исчезла.

— А она остается у вас.

Я пожал плечами.

— Наверное.

— Тяжело?

Я посмотрел на него.

Вопрос почему-то раздражил.

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— Хорошо.

И все.

Он отступил.

Не стал копать.

Не сказал: «Мне кажется, вы избегаете ответа».

Не принял выражение лица человека, который сейчас разгадает мою детскую травму.

Просто сказал:

— Хорошо.

И отпил воды.

Я закончил пол.

Вылил грязную воду.

Сполоснул ведро.

Поставил швабру на место.

Теперь действительно было почти все.

Я прошел к кофемашине.

Провел пальцем по поддону.

Чисто.

Проверил холдеры.

Чисто.

Поставил чашки ровнее.

— Это уже болезнь, — сказал мужчина.

— Что?

— Чашки.

Я посмотрел на них.

— Они стояли криво.

— На два миллиметра?

— Минимум на три.

— Простите.

— Ничего. Не все обладают глазомером.

— Вам сложно дома?

— Почему?

— Там тоже все должно стоять ровно?

Я усмехнулся.

— Дома бармена нет.

— То есть беспорядок?

— Творческий.

— Это слово придумали люди, которым лень убираться.

— Именно поэтому оно гениальное.

Я выключил часть света. Бар сразу изменился. Бутылки потеряли часть блеска. Темные углы стали глубже. Витрина превратилась почти в зеркало. Теперь я видел себя отчетливее.

И мужчину.

Он продолжал сидеть на том же месте. Странно, но я все еще не мог определить его возраст. Сначала мне показалось, что ему около пятидесяти. Теперь — меньше. Лет сорок с чем-то. Хотя в момент, когда он молчал и смотрел в окно, лицо почему-то становилось старше. Не морщинистее. Про-

сто старше. Я решил, что устал.

— Вы так и не заказали ничего, — сказал я.

— Мне достаточно воды.

— Первый человек в истории бара, которого невозможно монетизировать.

— Вам обидно?

— Очень. Я уже представлял, что именно на вашей покупке построю финансовую империю.

— Один напиток?

— Надо начинать с малого.

— Тогда налейте себе что-нибудь.

Я замер.

— Себе?

— Да.

— За ваш счет?

— Можно.

— Вот это уже деловой разговор.

Я открыл холодильник.

Посмотрел внутрь.

Пиво.

Вода.

Соки.

Тоники.

Мог налить себе что угодно.

Не хотелось.

Я взял бутылку воды.

— Поддержу вашу концепцию вечера.

— Хороший выбор.

— Самый маргинальный.

Открыл.

Сделал несколько глотков прямо из бутылки.

Потом поймал его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Опять это «ничего».

— Просто вы налили мне воду в стакан.

— Вы гость.

— А себе пьете из бутылки.

— Я бармен.

— Очень удобная система.

— Я предупреждал.

Мы замолчали. Где-то в глубине бара щелкнул холодильник. Музыка закончила одну песню, началась другая. Я не узнал ее сразу. Что-то спокойное.

Гитара.

Голос.

Дождь.

В такие моменты закрытый бар действительно становился хорошим местом. Наверное, поэтому я столько лет и не уходил окончательно. Днем мне почти всегда хотелось чего-то другого.

Писать.

Рисовать.

Снимать.

Учить языки.

Уехать.

Начать заново.

Стать кем-нибудь.

А ночью, когда последние люди расходились, стулья пу-
стели и оставался только запах дерева, кофе, алкоголя и мок-
рой улицы, возникало странное чувство, будто я уже на сво-
ем месте.

Хотя бы до утра.

Я допил воду.

— Ну что, — сказал я. — Все.

Мужчина посмотрел на меня.

— Закончили?

Я оглянулся.

Бутылки стояли ровно.

Кофемашина была чистой.

Мойка пустой.

Пол еще блестел от воды.

Касса закрыта.

Холодильники...

Я подошел к первому.

Открыл.

Закрыл.

Ко второму.

Открыл.

Закрыл.

— Теперь все, — сказал я.

— Уверены?

Я бросил на него взгляд.

— Еще одна шутка про холодильник — и ночевать будете здесь.

— Звучит не так страшно.

— Это потому что вы не слышали ледогенератор в шесть утра.

Я взял куртку со спинки стула за стойкой.

Посмотрел на его куртку.

И тут я заметил кое-что, чего раньше почему-то не заметил.

Она была сухой.

Совершенно.

Я посмотрел на витрину.

По стеклу текла вода.

На улице лило уже довольно сильно.

Потом снова посмотрел на его куртку.

Возможно, он успел обсохнуть.

В баре тепло.

Да и вошел он не минутоу назад.

Ничего странного.

Я выключил еще один ряд света.

— Куда вам? — спросил я.

— В смысле?

— Такси вызвать?

— Нет, спасибо.

— Пешком пойдете?

— Немного пройдуся.

Я снова посмотрел на дождь.

— Очень здоровый образ жизни.

— Мне нравится дождь.

— Люди, которые говорят, что любят дождь, обычно любят смотреть на него из окна.

— А вы?

— Я люблю дождь, когда у меня выходной, доставка еды и нет собаки, которую нужно выгуливать.

— У вас собака?

Я кивнул.

— Какая?

— Джек-рассел.

— Тогда вы точно торопитесь.

Я посмотрел на него.

— Почему «точно»?

— Они не славятся терпением.

— Это мягко сказано.

Я представил морду, которая встретит меня дома.

Сначала счастье.

Потом возмущение.

Потом срочное требование выйти на улицу, где он сам же

через три минуты решит, что дождь является нарушением его конституционных прав.

Я улыбнулся.

Мужчина заметил.

— Любите его.

— Да.

Ответ получился слишком быстрым, чтобы прятать его за шуткой.

— Животных проще любить, — добавил я.

— Почему?

— Они хотя бы не делают вид, что не понимают, зачем пришли.

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— А люди делают?

— Постоянно.

— Вы тоже?

Я взял ключи.

Покрутил кольцо на пальце и посмотрел на мужчину.

Он все еще сидел.

Куртка висела на соседнем стуле.

Стакан воды перед ним был почти пуст.

— Ну что, — сказал я. — Кажется, пора.

— Вам?

— Нам.

— Вы меня выгоняете?

— Я предпочитаю формулировку «мягко направляю в

сторону выхода».

— Звучит почти заботливо.

— Сервис.

Он посмотрел на дверь.

Потом на окно.

За стеклом шел дождь.

Теперь уже хороший.

Тот самый, под который нормально попадать только в кино, потому что киногерой после него красиво сидит на кухне с мокрыми волосами, а обычный человек потом два дня сушит кроссовки газетой.

Мужчина снова посмотрел на меня.

— Вы очень хотите домой?

Я хотел автоматически ответить «да».

Уже даже вдохнул.

Но почему-то не сказал.

Дома меня действительно ждали.

Собака.

Кровать.

Душ.

Холодильник, в котором почти наверняка не было ничего, что хотелось бы съесть в четыре утра.

Еще дома меня ждала та особенная тишина, которую начинаешь замечать только после нескольких лет жизни с другим человеком.

Раньше тишина была просто отсутствием звука.

Теперь у нее была мебель.

Я сунул ключи обратно в карман.

— Не настолько, чтобы бежать под дождем.

Мужчина кивнул.

— Тогда, может быть, еще немного посидим?

Я посмотрел на него.

— Вы понимаете, что бар закрыт?

— Да.

— Совсем закрыт.

— Я заметил.

— То есть сейчас вы не клиент.

Он чуть улыбнулся.

— А кто?

— Вот это хороший вопрос.

— А вы?

— Что я?

— Если бар закрыт, вы сейчас кто?

Я скрестил руки на груди.

— Человек, который хочет домой.

— Но не идет.

— Потому что какой-то мужик сидит у меня за стойкой и задает вопросы.

— Значит, все-таки бармен.

— Вы очень хотите оставить за собой последнее слово?

— Нет.

— Уже лучше.

Я достал ключи еще раз.

Положил на стойку.

Не потому что решил остаться, а наоборот чтобы показать, что собираюсь домой. Мужчина проследил за этим движением. Разумеется, заметил.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросил я.

— О людях.

Я выдохнул через нос.

— А поконкретнее нельзя?

— Можно.

Он подумал.

— О тех, кто приходит сюда.

Я посмотрел на пустой зал.

— Сюда конкретно?

— В бары.

— Это очень разные люди.

— Именно.

— И что вас в них интересует?

— Вы.

Я рассмеялся.

— Нихуя себе поворот.

— Я не так выразился.

— Очень надеюсь.

— Меня интересует, что вы о них думаете.

— О людях?

— Да.

Я взял бутылку воды, которую оставил возле мойки.

Открутил крышку.

— Это очень большая тема для человека, который соби-
рался уйти десять минут назад.

— Можем начать с небольшой.

— Например?

Он оглядел бутылки за моей спиной.

— Например, почему они приходят в бар.

— Пить.

— Все?

— Господи.

Я замолчал.

Он посмотрел на меня.

Я посмотрел на него.

— Это выражение, — сказал я.

— Я ничего не сказал.

— Но лицо у вас было.

— Какое?

— Очень довольное.

— Простите.

— Не прощаю.

Я сделал глоток.

— Ладно. Не все приходят пить.

— А зачем?

— Вы же работали с людьми.

— Мне интересно ваше мнение.

— Почему именно мое?

— Потому что вы их наблюдаете.

Я уже собирался ответить очередной шуткой.

Не ответил.

Вопрос был простой.

А ответ почему-то нет.

Я много лет стоял за стойками.

Разными.

Дорогими.

Дешевыми.

Красивыми.

Такими, где бутылка виски стоила больше моей зарплаты.

И такими, где меню было напечатано на листе А4, заламинированном настолько давно, что оно уже выглядело как археологическая находка.

Менялись города внутри одного города.

Менялись владельцы.

Менялись концепции.

Менялись люди за стойкой рядом со мной.

Менялись сами стойки.

А люди перед ними почему-то оставались примерно теми же.

— Иногда выпить, — сказал я.

Мужчина ждал.

— Иногда встретиться с друзьями.

Ждал.

— Иногда познакомиться.

Ждал.

— Иногда потрахаться.

Он чуть поднял брови.

— Что?

— Ничего.

— Взрослые люди. Чего вы ожидали? Совместного чтения Достоевского?

— Я не осуждаю.

— Еще бы.

Я сделал еще глоток.

— Иногда отметить что-нибудь. День рождения. Повышение. Свадьбу. Развод.

— Развод отмечают?

Я посмотрел на него.

— Еще как.

— Весело?

— По-разному.

— Вы отмечали?

Вот теперь он попал.

Не сильно.

Так, пальцем в синяк.

Я поставил бутылку.

— Мы говорили о гостях.

— Хорошо.

И снова отступил.

Мне начинало казаться, что он умеет делать это намеренно.

Подходить к двери.

Проверять ручку.

Но не открывать.

— Иногда люди приходят чтобы не домой идти, — сказал я.

Он чуть наклонил голову.

— То есть?

— Просто не хотят возвращаться.

— Почему?

— Потому что дома жена.

— Это плохо?

— Смотря чья.

Он засмеялся.

— Или муж. Или родители. Или никого.

— Никого тоже может быть причиной?

Я посмотрел на него.

— Особенно никого.

На этот раз никто не улыбнулся.

Холодильник включился за моей спиной.

Низкий гул заполнил паузу.

Я взял полотенце и зачем-то поправил его на краю мойки.

Уже чистое.

Уже сложенное.

Просто рукам понадобилась работа.

Вот и вся профессиональная наблюдательность.

На других я замечал это мгновенно.

У себя — только когда уже сделал.

— Иногда человеку просто надо посидеть среди людей, — сказал я. — Даже если он ни с кем не разговаривает.

— Чтобы не быть одному?

— Наверное.

— Помогает?

— Пока сидит — иногда.

— А потом?

Я пожал плечами.

— Бар закрывается.

Мужчина медленно кивнул.

Я посмотрел на часы.

Тринадцать.

На этот раз даже не удивился.

Просто решил, что надо заменить батарейку.

— А у вас были постоянные гости? — спросил он.

— Конечно.

— Много?

— В разных местах по-разному.

— Запоминали всех?

— Нет.

— Но некоторых.

— Некоторых сложно забыть.

Он взял стакан и посмотрел на остаток воды.

— Например?

Я усмехнулся.

— Вы сейчас хотите, чтобы я начал рассказывать байки из бара?

— А почему нет?

— Потому что половину нельзя рассказывать без согласия участников, а вторая половина звучит как уголовное дело.

— Тогда расскажите безопасную.

Я подумал.

Перед глазами почему-то первым возник Виктор.

Конечно Виктор.

Некоторые люди не входят в память.

Они туда заселяются.

Виктор появился в одном из баров, где я работал, года четыре назад.

И первое, что я о нем запомнил, — он никогда не заказывал то, что хотел.

Вообще никогда.

— Был один, — сказал я.

— Кто?

— Виктор.

— Ваш друг?

— Нет.

— Хороший знакомый?

— Нет.

— Тогда кто?

— Постоянный.

— И чем он запомнился?

Я улыбнулся.

— Тем, что однажды бросил пить.

Мужчина посмотрел на бутылки.

Потом на меня.

— И?

— Восемь раз.

— За сколько лет?

— За один.

Он засмеялся.

— Это уже талант.

— Вы еще ничего не знаете.

Я потянулся к полке.

Задумался.

Взял два низких стакана.

Один поставил перед ним.

Другой перед собой.

— Вода? — спросил мужчина.

— Не налейте.

Я налил ему еще.

Себе тоже.

— Значит, Виктор, — сказал он.

— Значит, Виктор.

Я сел на стул с внутренней стороны стойки.

Редкое ощущение.

Бармены почти никогда не сидят за своей стойкой.

Не потому что запрещено.

Просто существует странная психологическая граница.

С одной стороны стойки сидят люди.

С другой — ты.

И если работаешь достаточно долго, начинаешь воспринимать это почти как устройство мира.

Я вытянул ноги.

Спина сразу напомнила, что мне тридцать два и весь день я провел стоя.

— Виктор был человеком будущего, — сказал я.

— В каком смысле?

— Он практически не жил в настоящем.

— Уже интересно.

— Не торопитесь. Сначала он просто пил пиво.

Я посмотрел на пустой зал.

И почему-то очень отчетливо вспомнил первый вечер, когда увидел его.

Другой бар.

Другой свет.

Другая стойка.

Лето.

Открытые окна.

И мужчина, который сел передо мной, положил телефон экраном вниз и сказал:

— Последнее.

Я тогда еще не знал, что это было первое из множества последних.

Виктор был из тех людей, которые выглядят так, будто у них все в целом нормально.

Это отдельный человеческий тип.

Не хорошо.

Не плохо.

Нормально.

Работа есть.

Квартира есть.

Машина есть.

Кредит тоже есть, чтобы жизнь не показалась слишком односторонней.

Здоровье пока позволяет не читать состав продуктов.

Родители живы.

Друзья иногда звонят.

Есть даже абонемент в спортзал, который лежит в приложении и каждый месяц напоминает о существовании человека, которым ты мог бы стать.

В тот вечер Виктор сел у стойки около девяти.

— Пиво, — сказал он.

— Какое?

— Любое светлое.

Я назвал два варианта.

Он выбрал более дешевое.

Не потому что экономил.

Я это понял позже.

Просто Виктор почти всегда выбирал второй вариант, если ему давали два.

Первый требовал решения.

Второй позволял согласиться.

Я налил.

Поставил перед ним.

Он сделал большой глоток.

Выдохнул.

— Последнее, — сказал он.

— Закрываемся через пять часов.

— Я не про сегодня.

Я посмотрел на него.

— А.

Вот тут бармен должен понимать важную вещь.

Когда незнакомый мужчина берет пиво и говорит: «Это последнее», существует несколько вариантов.

Он может быть алкоголиком.

Может сидеть на диете.

Может завтра сдавать анализы.

Может проиграть спор.

Может жениться.

Может разводиться.

Может просто хотеть, чтобы ты спросил.

Последний вариант встречается чаще остальных.

— Решили бросить? — спросил я.

Виктор кивнул.

— Все.

Он поднял бокал.

Посмотрел через него на свет.

— Завязываю.

— С алкоголем?

— Вообще со всем.

— С водой тоже?

Он посмотрел на меня.

Я тогда еще был моложе и хуже чувствовал момент, когда шутка нужна человеку, а когда хочется получить бокалом в лицо.

Виктор усмехнулся.

Значит, угадал.

— С этой жизнью, — сказал он.

Вот тут уже я посмотрел внимательнее.

Он заметил.

— Не в том смысле.

— Хорошо.

— Я не самоубийца.

— Еще лучше.

— Просто заебался.

— Обычный вторник.

Он рассмеялся.

— Вот. Именно.

Сделал еще глоток.

— Мне уже дохуя лет.

— Поздравляю.

— С чем?

— Дожили.

— Очень смешно.

— Работа такая.

— И что у меня есть?

Я оглядел его.

— Пиво.

— Кроме пива.

— Телефон.

— Да иди ты.

— А что вы хотите услышать?

Он помолчал.

Вот тогда я впервые увидел эту его привычку.

Перед тем как сказать что-то важное, Виктор всегда проводил большим пальцем по нижней кромке телефона.

Не по экрану.

По чехлу.

Как будто проверял, на месте ли он.

— Я десять лет работаю в одной компании, — сказал он.

— Плохо?

— Нормально.

— Тогда в чем проблема?

— В том, что нормально.

Я кивнул.

Тогда я еще не понял, что эта фраза описывала Виктора лучше любого паспорта.

Нормальная работа.

Нормальная зарплата.

Нормальная квартира.

Нормальная машина.

Нормальные отношения, которые закончились нормально.

Нормальная жизнь.

Настолько нормальная, что однажды человеку становится страшно от мысли, что именно так она и пройдет.

— Я всегда думал, что потом займусь чем-нибудь своим,
— сказал он.

— Чем?

— Не знаю.

— Сильный бизнес-план.

— Да пошел ты.

Я улыбнулся.

Он тоже.

— Может, кофейню открою.

— Не открывайте кофейню.

— Почему?

— Я работал с кофе.

— И?

— Не открывайте кофейню.

— Аргумент.

Он допил половину бокала.

— Или уеду.

— Куда?

— Может, в Питер.

— Почему Питер?

— Не знаю.

— Тогда точно в Питер.

— Или в Сочи.

— Вы определитесь хотя бы с количеством дождя.

Он засмеялся.

— Короче, с понедельника начинаю.

— Что?

— Все.

— Очень конкретно.

— Спортзал. Алкоголь убираю. Курить брошу. На работе начну искать варианты. Резюме обновлю. Английский.

Я посмотрел на него.

— Еще медитацию добавьте.

— Кстати.

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, который за один вечер решил бросить пить, курить, сменить работу, переехать, выучить английский, начать спорт и медитировать, к среде возненавидит себя.

Он задумался.

— Почему к среде?

— Во вторник еще будет держаться.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Он покрутил телефон.

— Нет. В этот раз реально все.

Я слышал эту фразу тысячи раз.

Не от Виктора.

От всех.

«В этот раз точно».

Человек вообще очень любит проводить границы во времени.

Понедельник.

Первое число.

Новый год.

День рождения.

После отпуска.

Будто календарь обладает моральным авторитетом.

Сегодня можно быть говном, но завтра начинается новая жизнь. У новой жизни всегда почему-то очень плотный график.

— Тогда за новую жизнь, — сказал я.

Виктор поднял бокал.

Задержался.

— Не. Это последнее.

— Точно.

Мы чокнулись его пивом и моим стаканом воды.

Он ушел около одиннадцати.

Оставил хорошие чаевые.

Я о нем почти сразу забыл.

А через два дня он пришел снова.

Сел на то же место.

Положил телефон экраном вниз.

— Пиво.

Я посмотрел на него.

Он посмотрел на меня.

— Даже не начинай.

— Я ничего.

— По лицу вижу.

— Как понедельник?

Виктор снял куртку.

— Перенесли.

— Кто?

— Понедельник.

— Серьезная организация.

— У друга день рождения был.

— В понедельник?

— В воскресенье.

— А сегодня среда.

— Ну после дня рождения два дня выпадают.

— Научно доказано.

— Вот ты доебался.

Я налил ему пиво.

Поставил.

Он выпил.

— Со следующего понедельника, — сказал он.

— Разумно.

— И не смотри так.

— Как?

— Как будто не веришь.

Я пожал плечами.

— Я вам вообще деньги за это получаю.

— За что?

— За пиво.

— А за осуждение?

— Бесплатно.

Он рассмеялся.

Это была наша первая нормальная беседа.

Потом Виктор стал приходить часто.

Не каждый день.

Не каждую неделю даже.

Но достаточно регулярно, чтобы я начал узнавать его куртки по сезонам.

У человека может измениться прическа.

Вес.

Женщина.

Работа.

Политические взгляды.

Но если он три года носит одну и ту же зимнюю куртку, бармен запомнит именно ее.

— И он так и не бросил? — спросил мужчина.

Я вернулся в бар.

В эту ночь.

В этот дождь.

Воду перед собой.

Мужчину напротив.

— Что?

— Пить.

— А. Нет. Бросал.

— Вы же сказали восемь раз.

— Я не шутил.

— И сколько длился рекорд?

— Месяц.

— Неплохо.

— Двадцать восемь дней.

— Все равно.

— Февраль.

Мужчина рассмеялся.

— Вы ужасный человек.

— Виктор сказал то же самое.

— А почему снова начал?

— Отпуск.

— Логично.

— Потом снова бросил.

— Почему?

— После отпуска.

— Еще логичнее.

Я улыбнулся.

За окном гроыхнуло где-то далеко.

Мы оба посмотрели на витрину.

Дождь продолжал идти.

Я вдруг заметил, что уже давно не думаю о том, когда пойду домой.

И почти сразу после этого подумал о собаке.

Чувство вины работает быстрее будильника.

— Мне действительно надо скоро ехать, — сказал я.

— Конечно.

Мужчина сказал это спокойно.

Будто никуда меня не удерживал.

Что, строго говоря, было правдой.

Я сам сел.

Сам налил воду.

Сам начал рассказывать про Виктора.

— Но вы не закончили, — добавил он.

— Что?

— Историю.

— Она длинная.

— Я никуда не спешу.

— А я спешу.

— Тогда короткую версию.

Я посмотрел на него.

— Короткая версия в том, что Виктор все время собирался начать жить.

— А длинная?

Я покрутил стакан.

Ледяной воды там не было, но на внешней стороне все равно осталось несколько капель после мойки. Я провел пальцем по стеклу.

Глава II. Виктор

Виктор никогда не опаздывал к началу новой жизни.

Он просто постоянно переносил дату. И, пожалуй, это было единственное, что он делал с поразительной дисциплиной. После второго понедельника был Новый год. После Нового года — конец зимы. После конца зимы выяснилось, что глупо начинать активно заниматься спортом весной, потому что «нормальную форму к лету все равно уже не сделать». Это Виктор сообщил мне в марте. Двадцать третьего числа. Я дату помнил не потому, что вел дневник чужих поражений, а потому что в тот день у одного из холодильников сдох компрессор и половину смены мы спасали продукты, напитки и собственную психику.

Виктор сидел возле стойки и ел картошку.

— Тогда с осени, — сказал он.

Я высунул голову из-под холодильника.

— Что?

— Спорт.

— Почему с осени?

— Летом смысла нет.

— Почему?

— Жарко.

— А зимой?

— Новый год.

— Весной поздно.

— Ну да.

Я вылез.

— Удобно.

— Ты смеешься, а там логика.

— Я вижу. Очень надежная конструкция. Ни одного свободного сезона.

Он показал мне средний палец и продолжил есть.

К тому моменту мы уже перешли на «ты».

В барах это происходит само. Никто не предлагает. Никто не говорит: «Давайте перейдем на ты». Просто человек приходит достаточно раз, и однажды вместо «вам повторить?» ты спрашиваешь:

— Тебе еще?

А он отвечает:

— Давай.

Все. Отношения официально изменились. Виктор появлялся примерно раз в неделю.

Иногда два. Иногда пропадал на месяц, после чего возвращался и обязательно сообщал, что у него происходили большие перемены. Большими переменами могло оказаться что угодно. Он купил новые кроссовки. Переставил мебель. Удалил приложение доставки еды. Скачал приложение для изучения английского. Однажды сменил заставку на телефоне.

— Горы, — сказал он и показал экран.

— Вижу.

— Знаешь почему?

— Нравятся горы?

Он посмотрел на меня как на ребенка, который совершенно не понимает символизма.

— Это цель.

— Какая?

— Уехать.

— В горы?

— Вообще.

— Очень конкретная цель.

— Ты душный.

— Я бармен.

— Ты душный бармен.

Я пожал плечами.

— За конкретику.

Он сделал глоток пива.

— Я серьезно. Все. В этом году точно.

— Куда?

— Посмотрим.

— Когда?

— Ближе к лету.

Было начало февраля. Я уже знал, что произойдет ближе к лету.

Ничего.

Но Виктор этого еще не знал или делал вид. Иногда я ду-

мал, что именно в этом и заключался весь механизм. Виктор не был человеком, который не выполняет обещания, он был человеком, который постоянно покупает себе еще немного будущего. Каждый новый план давал ему недели две облегчения. Иногда месяц. В этот период он становился почти счастливым, потому что нынешняя жизнь больше не считалась настоящей. Она превращалась во временную.

Работа раздражает?

Ничего.

Скоро уйду.

Квартира маленькая?

Ничего.

Перееду.

Денег мало?

Ничего.

Найду новую работу.

Отношения не складываются?

Ничего.

Просто сейчас не время.

В настоящем можно было терпеть почти все, если где-то впереди уже жил другой Виктор - подтянутый, зарабатывающий больше, говорящий по-английски, не курящий, пьющий исключительно хорошее вино два раза в месяц и почему-то обязательно бегавший по утрам.

Люди, когда представляют свою лучшую версию, вообще очень любят заставлять ее бегать. Никогда не слышал, чтобы

человек сказал:

«Через год я стану лучшей версией себя и буду по утрам лежать».

Хотя это гораздо привлекательнее.

— И вы над ним смеялись? — спросил мужчина.

Я посмотрел на Гостя.

— Мы все над ним смеялись.

— «Мы»?

— Я. Ребята за стойкой. Его друзья.

— Он обижался?

— Нет.

Я немного подумал.

— Почти никогда.

— Почему?

— Потому что сам смеялся громче всех.

Гость провел пальцем по краю стакана.

— Удобно.

— Что?

— Если пошутить над собой первым, остальные уже не смогут сделать это больнее.

Я посмотрел на него.

— Вы точно не психолог?

— Вы уже спрашивали.

— Вдруг передумали.

— Нет.

— Хорошо.

Я отпил воды.

Мне не понравилось, насколько точно он описал Виктора, может быть, потому что я слишком хорошо знал этот прием.

— Он был веселым? — спросил Гость.

— Да.

— Счастливым?

— Это разные вопросы.

— Поэтому и спрашиваю.

Я подумал.

Виктор много смеялся. Громко. Охотно. Любил рассказывать истории. У него вообще была хорошая память на всякую хуйню. Кто что сказал восемь лет назад. Как Андрей пьяный потерял обувь на свадьбе. Как начальник однажды пришел на корпоратив с женой и любовницей, потому что произошла какая-то логистическая ошибка уровня греческой трагедии.

Виктор умел рассказать так, что смеялся весь бар. Но я видел его и одного и это совсем другой человек. Постоянных гостей надо наблюдать именно тогда, когда они приходят одни, ведь в компании почти все немного актеры.

Кто-то громче.

Кто-то умнее.

Кто-то опаснее.

Кто-то смешнее.

Кто-то успешнее.

А потом друзья уходят курить, и на тридцать секунд лицо человека возвращается домой. Виктор в такие моменты ста-

новился очень спокойным.

Не грустным. Именно спокойным. Смотрел на бутылки, на телефон, в окно.

Однажды так просидел минут десять.

Я тогда спросил:

— Ты чего?

Он будто проснулся.

— А?

— Завис.

— Да так.

— Случилось что?

— Нет.

И улыбнулся. А потом друзья вернулись, и он снова стал Виктором, которого все знали.

— Не знаю, — сказал я Гостю. — Наверное, не был.

— А он сам как считал?

— Вот это у него менялось.

— Как?

— По дням.

Гость улыбнулся.

— Иногда он был абсолютно уверен, что жизнь прекрасна. Иногда говорил, что проебал лучшие годы. Обычно разница между этими состояниями составляла два пива.

— Алкоголь?

— Нет.

Я покачал головой.

— Компания.

Гость посмотрел на меня внимательнее.

— Объясните.

— Когда рядом были его друзья, он будто вспоминал, что у него есть жизнь. Понимаете?

— Думаю, да.

— Потом оставался один — и начинал думать, что надо срочно строить другую.

— А может, обе были настоящими?

Я пожал плечами.

— Может.

— Люди ведь могут быть счастливы и недовольны своей жизнью одновременно.

— Очень удобная человеческая суперспособность.

— Удобная?

— Позволяет страдать даже когда все хорошо.

Гость улыбнулся.

— А когда все плохо?

— Позволяет говорить: «зато могло быть хуже».

Он рассмеялся.

— Тогда действительно удобно.

Я немного покрутил стакан. Кольцо воды осталось на стойке. Я машинально потянулся за салфеткой. Вытер. Поймал взгляд Гостя.

— Молчите.

— Я ничего.

— Вот и продолжайте.

Он поднял руки.

Я вернулся к Виктору.

Самая масштабная его новая жизнь началась после расставания с Леной. С Леной он прожил три года. Я видел ее несколько раз.

Красивая.

Темноволосая.

Смотрела так, будто постоянно немного устала от окружающих, а особенно от Виктора. Впрочем, это могло быть просто мое впечатление. С чужими отношениями вообще надо быть осторожнее. Со стороны человек всегда думает, что все понял за два часа. Кто кого любит. Кто кого использует. Кто кого терпит. Потом проходит несколько лет, и выясняется, что люди внутри отношений понимали происходящее еще хуже.

В первый раз Виктор привел Лену примерно через полгода после того, как стал постоянником.

— Это Лена, — сказал он.

Я кивнул.

— Очень приятно.

Она посмотрела на него.

— А ты меня представляешь бармену?

— Это не просто бармен.

Я поднял палец.

— Осторожно.

— Он знает обо мне больше, чем мама.

— Теперь мне еще менее приятно, — сказала Лена.

Я засмеялся. Она тоже. Мне она понравилась. В тот вечер Виктор практически не пил - два пива за четыре часа. Зато постоянно смотрел на нее и вот это я запомнил.

Не то, как она выглядела.

Не во что была одета.

А как он смотрел.

Люди в начале отношений иногда смотрят на другого человека как на ответ. Сам вопрос они правда обычно сформулировать не могут, но ответ уже нашли.

Лена что-то рассказывала, Виктор смеялся раньше, чем шутка заканчивалась. Она вставала — он смотрел ей вслед. Возвращалась — автоматически немного отодвигал стул, освобождая место. Когда говорил сам, проверял ее лицо после каждой второй фразы. Как будто ее реакция подтверждала, что рассказ действительно смешной.

Я тогда подумал:

Все.

Пропал человек.

Через три года он пришел один. Сел.

Телефон положил экраном вниз. Я поставил перед ним пиво, даже не спрашивая.

Он посмотрел на бокал.

— Сегодня не буду.

Я убрал.

— Что случилось?

Виктор провел пальцем по нижней кромке телефона.

Я сразу понял, что сейчас будет что-то настоящее.

— Мы с Леной разошлись.

— Понял.

Это один из тех моментов, когда бармену лучше не говорить:

«Да ладно».

«Почему?»

«А я говорил».

«Все будет хорошо».

Особенно последнее.

Люди произносят «все будет хорошо» с какой-то удивительной уверенностью, хотя вообще не имеют доступа к будущему.

Может, не будет. Откуда ты знаешь?

Я поставил перед ним воду.

— Водка есть? — спросил он.

— Есть.

— Двойную.

— Ты только что сказал, что не будешь.

— Пиво.

— А.

Я налил. Он выпил. Поморщился.

— Еще.

Налил. Выпил.

— Еще.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Почему?

— Потому что ты не умеешь пить водку.

— Это еще почему?

— Ты морщишься как ребенок после микстуры.

— У меня девушка ушла.

— Это не улучшает твою технику.

— Налей.

— Сначала воды.

Он посмотрел на стакан.

— Ты заебал.

— Я стараюсь.

Он выпил воду. Я налил еще одну. Тогда мне казалось, что эта ночь будет обычной историей про расставание. Человек напьется. Расскажет, какая она сука. Через час признается, что любит. Через два часа решит ей написать. Мы отберем телефон. Утром он проснется с похмельем и сообщением, которое все-таки умудрился отправить из туалета.

Классика.

Но Виктор почти не говорил о Лене. Он говорил о себе.

— Знаешь, что самое хуевое? — спросил он.

— Что?

— Она права.

Редкая фраза после расставания. Я даже прекратил про-

тирать бокал.

— В чем?

— Во всем, блядь.

— Это вряд ли.

— Нет. Она сказала, что три года ждала.

— Чего?

Он рассмеялся. Не весело.

— Вот именно.

Я поставил бокал. Виктор смотрел перед собой.

— Я ей все говорил: сейчас с работой разберусь — съедем. Потом повышение дадут. Потом кредит закрою. Потом машину поменяю. Потом отпуск. Потом поженимся.

— А она хотела?

— Чего?

— Пожениться.

— Да.

Он провел пальцем по телефону.

— Наверное.

Пауза.

— Блядь.

— Что?

— Я даже сейчас сказал «наверное».

Я промолчал.

— Она вчера собрала вещи, — продолжил он. — Спокойно так. Без истерики. Самое хуевое, что вообще без истерики.

— Почему самое хуевое?

— Потому что когда человек орет, можно тоже орать.

Он сделал глоток водки. На этот раз почти не поморщился.

— А она просто складывала футболки.

Я хорошо помню эту фразу. Не знаю даже почему.

Может, потому что настоящие расставания вообще редко выглядят как кино. Не обязательно дождь. Крики. Разбитая посуда. «Я ненавижу тебя». Иногда человек просто складывает футболки.

Одну.

Вторую.

Третью.

А другой стоит рядом и постепенно понимает, что его жизнь помещается в действия, которым даже музыка не нужна.

— Я ей сказал: «Давай после Нового года куда-нибудь съездим», — продолжал Виктор.

— И?

— Она засмеялась.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что был апрель.

Я невольно усмехнулся. Виктор тоже. Мы оба посмеялись секунд пять. Потом он потер лицо ладонями.

— Господи, какой я долбоеб.

— Это поправимо.

— Что именно?

— Не знаю. Хотел поддержать.

— Хуево.

— Я не психолог.

— Слава богу.

Он выпрямился и вот тогда Виктор начал новую жизнь по-настоящему.

По крайней мере, именно так мне казалось.

— Все, — сказал он.

Я уже знал эту интонацию.

— Виктор.

— Нет. Не ржи.

— Я молчу.

— Я все понял.

— Хорошо.

— Реально понял.

— Еще лучше.

— Никаких понедельников.

Вот это было новое. Я посмотрел на него.

— Прямо завтра.

— Сегодня.

Он достал телефон.

Было около половины первого.

— Уже сегодня.

— Что именно?

— Все.

Я закрыл глаза.

— Опять «все».

— Нет, подожди. Сейчас конкретно.

Он начал загибать пальцы.

— Завтра звоню по работе.

— Сегодня.

— Сегодня. Да. Обновляю резюме. Записываюсь в зал.

Алкоголь — все.

Он посмотрел на рюмку.

— После этой.

— Разумеется.

— Курить бросаю.

— Хорошо.

— И...

Он замолчал.

— Что?

— Я Лену верну.

Вот здесь я ничего не сказал.

Потому что планы про спортзал — это одно. Планы, в которых участвует другой человек, — совсем другое.

Виктор увидел мое лицо.

— Что?

— Ничего.

— Ты не веришь.

— Не моя работа.

— Верну.

— Хорошо.

— Я изменюсь.

— Хорошо.

— И она увидит.

— Виктор.

— Что?

— Меня не надо убеждать.

Он замолчал. Это была важная пауза.

Он смотрел на меня. Потом на пустую рюмку.

И почему-то я впервые подумал, что все эти годы Виктор действительно никого не пытался обмануть.

Даже себя.

Вот это было самое неприятное.

Каждый раз, когда он говорил «с понедельника», он верил.

Каждый.

Абсолютно.

Не притворялся.

Не лениво отмахивался.

В момент обещания новый Виктор действительно существовал. Проблема начиналась утром.

— И что было дальше? — спросил Гость.

Я снова вернулся в закрытый бар.

Он сидел чуть наклонившись вперед. Впервые за долгое время действительно заинтересованный историей.

— А как думаете?

— Он все сделал.

Я усмехнулся.

— Почему?

— Потому что вы рассказываете так, будто хотите доказать обратное.

— Красиво.

— Я угадал?

Я немного подумал.

— На какое-то время.

Гость улыбнулся.

— Значит, сделал.

— Он обновил резюме.

— Уже неплохо.

— Сходил на четыре собеседования.

— Еще лучше.

— Сменил работу.

Гость поднял брови.

— Правда?

— Да.

— Спорт?

— Купил абонемент.

— Ходил?

— Три месяца.

— Курить?

— Бросил.

— На сколько?

— Почти год.

— Алкоголь?

— Два месяца вообще не пил.

— А Лена?

Вот теперь я замолчал - Гость заметил.

— Не вернулась.

— Нет.

— И он?

— Продолжил.

— Что?

— Все.

Я увидел, что он не понимает.

— Продолжил работать. Тренироваться. Не курить. Через пару месяцев съехал с той квартиры. Купил велосипед. Начал английский.

— Значит, у него получилось.

Я усмехнулся.

— Вот тут становится интересно.

— Почему?

— Потому что примерно через год он снова сидел передо мной.

— Здесь?

— В другом уже месте. Я к тому моменту сменил работу.

— Он вас нашел?

— Город не настолько большой.

Я вспомнил тот вечер. Виктор вошел случайно. Увидел меня. Расплылся в улыбке.

— Ебать.

— Здравствуйте.

— Ты здесь?!

— Нет.

Он подошел и пожал руку через стойку.

Выглядел действительно лучше - похудел, подтянулся, новая стрижка, хорошая куртка и даже лицо будто стало другим.

— Ну что? — спросил я. — Новая жизнь?

Он сел.

— Еще какая.

— Пиво?

Виктор задумался.

— Давай.

Я поднял бровь.

— Что?

— Ничего.

— Я уже могу.

— Разрешили?

— Сам себе разрешил.

Я налил.

Он взял бокал.

Сделал глоток.

— Как дела?

И следующие минут двадцать рассказывал.

Работа лучше.

Денег больше.

Спортзал.

Начал бегать.

Все-таки люди заставляют свою лучшую версию бегать.

Съездил в Турцию.

Первый раз один.

Познакомился там с девушкой.

Не сложилось.

Ничего страшного.

С Леной не общается.

Первое время пытался.

Потом перестал.

— Короче, — сказал он, — все вообще заебись.

— Рад.

И я действительно был рад. Редкое удовольствие — увидеть человека, который столько раз обещал начать жить и наконец начал. Я почти поверил в структуру истории.

Вот человек.

Вот проблема.

Вот событие, которое заставило измениться.

Вот изменения.

Вот результат.

Можно ставить музыку.

Титры.

А потом Виктор допил пиво.

Покрутил бокал.

И сказал:

— Думаю, еще года два здесь поработаю, а потом уже займусь чем-нибудь своим.

Я посмотрел на него.

Он продолжил:

— Сейчас просто деньги нормальные. Глупо уходить. Кредит добыю. Подушку соберу. Может, квартиру возьму. Потом уже можно рисковать.

Я ничего не сказал.

— Кстати, думаю со следующего месяца английский нормально продолжить. А то забросил немного.

Я продолжал молчать.

— И зал надо снова.

— Забросил?

— Последние месяца два. Работы много.

Он сделал знак повторить. Я взял бокал.

— Еще одно?

— Да.

Налил.

Поставил перед ним. Виктор поднял пиво.

— Но вообще главное — не останавливаться.

— Конечно.

Мы чокнулись. Он выпил. И вот тогда я понял одну вещь про Виктора.

Он действительно изменил что-то.

Скорее сильно.

Работу.

Тело.

Привычки.

Квартиру.

Одежду.

Количество денег.

Даже круг общения.

Но где-то внутри все еще сидел тот же человек, который собирался начать настоящую жизнь чуть позже. Только теперь «чуть позже» выглядело значительно успешнее.

— Вам кажется, что он не изменился, — сказал Гость.

— Да.

— Но вы только что перечислили несколько вещей, которые он изменил.

— Не это главное.

— А что?

Я задумался.

— Не знаю.

Гость улыбнулся.

— Тогда почему уверены?

— Потому что слышал его.

— Что именно?

— «Потом».

Гость замолчал.

Я продолжил:

— Сначала он говорил: потом уйду с работы. Потом бросил старую работу и говорил: потом уйду с новой. Потом говорил: закрою кредит. Закрыл. Потом появился другой. Потом квартира. Потом...

Я остановился.

— Что?

— Ничего.

Почему-то стало неуютно. История про Виктора вдруг перестала быть такой смешной. Потому что я вспомнил собственные «потом».

Когда будет время — начну писать.

Когда станет меньше работы — займусь анимацией.

Когда разгребусь с деньгами.

Когда перееду.

Когда станет спокойнее.

Когда закончится одна проблема.

Потом другая.

Потом...

Я взял стакан. Выпил воды.

Гость смотрел на меня.

— Только не надо, — сказал я.

— Я молчу.

— Именно.

Он отвернулся к окну.

И мне это было даже немного благодарно.

За витриной продолжал идти дождь. По стеклу медленно сползали капли. Одна догнала другую. Соединились. Потекли вниз быстрее.

— Может быть, — сказал мужчина через некоторое время, — Виктор просто любил будущее.

Я усмехнулся.

— Очень романтическая версия прокрастинации.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Что плохого в том, чтобы надеяться, что потом будет лучше?

— Ничего.

— Тогда почему вы над ним смеетесь?

— Потому что это смешно.

— А если благодаря этому он вставал утром?

Я посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Вы сказали, что он много раз менял планы. Переносил. Начинал заново. Бросал. Возвращался.

— Да.

— Но продолжал начинать.

Я хотел что-то сказать.

Он не дал.

Не перебил.

Просто закончил мысль раньше.

— Может быть, проблема не в том, что он верил в поне-

дельник.

Гость сделал маленький глоток воды.

— Может быть, понедельник иногда был единственным, во что ему оставалось верить.

Я молчал.

Вот теперь он сказал что-то слишком красивое. И это меня раздражало.

— Хорошая фраза, — сказал я.

— Вам не нравится.

— Не люблю, когда жизнь пытаются оправдать красивой формулировкой.

— Я не оправдываю.

— А что делаете?

— Пытаюсь понять.

— Виктора?

— Вас.

Я посмотрел на него.

Он спокойно поставил стакан.

— Какого хрена меня?

— Вы рассказываете историю о человеке, который постоянно откладывает жизнь, и злитесь на него намного сильнее, чем эта история заслуживает.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно дернулось.

Не боль.

Раздражение.

Хороший защитный механизм.

Злиться всегда удобнее.

— Вы меня анализируете?

— Нет.

— Очень похоже.

— Просто наблюдаю.

Вот сука.

Я рассмеялся. Невольно.

— Ладно. Хорошо сыграно.

Он тоже улыбнулся.

— Значит, Виктор вас раздражал?

— Иногда.

— Потому что напоминал кого-то?

— Да.

— Кого?

Я посмотрел на него.

— Всех.

— Удобный ответ.

— Я учусь.

Он откинулся на спинку стула.

— А что с ним сейчас?

— С Виктором?

— Да.

Я задумался. Последний раз я видел его довольно давно.

Он снова куда-то собирался. Кажется, хотел открыть что-то свое. Или уехать. Или жениться. Я уже точно не помнил.

Странно.

От человека в памяти осталось бесконечное движение, хотя большую часть времени он сидел на одном и том же стуле.

— Не знаю, — сказал я.

— Больше не приходил?

— Я сменил бар.

— И вы потерялись.

— Мы и не находились.

— Вы столько о нем помните.

— Это не делает нас друзьями.

— Я не говорил, что делает.

Я провел ладонью по подбородку. Щетина уже начинала колоть пальцы.

— Последний раз он говорил, что собирается открыть небольшой бизнес.

— Какой?

— Не помню. Что-то связанное с машинами.

— И вы думаете, не открыл.

— Думаю, нет.

— Почему?

— Потому что это Виктор.

Гость посмотрел в стакан.

— А я думаю, мог.

— Вы его даже не знаете.

— Именно.

Я усмехнулся.

— Сильный аргумент.

— Вы знаете его прошлое.

— Да.

— И поэтому используете его как доказательство будущего.

Я замолчал. Мужчина чуть пожал плечами.

— А я прошлого не знаю. Поэтому мне проще допустить, что он мог сделать что-нибудь неожиданное.

— Например?

— Открыть бизнес.

— Или не открыть.

— Конечно.

— Тогда какая разница?

— Для Виктора — огромная.

Мы снова замолчали. Мне неожиданно захотелось узнать.

Прямо сейчас. Найти его в соцсетях. Написать.

«Ну что, блядь, открыл?»

Я даже потянулся к телефону.

Остановился. Гость заметил.

— Хотите проверить?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда одна из наших версий окажется неправильной.

— Боитесь проиграть?

— Боюсь, что выиграю.

Он посмотрел на меня внимательнее. Я сам удивился ска-

занному. Пришлось объяснить.

— Если я прав и Виктор ничего не сделал — история остается смешной.

— А если сделал?

— Тогда получается, я несколько лет считал человека идиотом только потому, что он двигался медленнее, чем мне хотелось.

Гость улыбнулся.

— Это вас беспокоит?

— Немного.

— Почему?

— Потому что у меня огромный опыт считать людей идиотами.

Он засмеялся, я тоже, и на этом напряжение немного отпустило.

Я встал.

Сидеть за стойкой оказалось непривычно.

Прошелся.

Взял наши стаканы.

Ополоснул.

Автоматически.

Хотя мы еще не закончили пить.

Гость посмотрел на пустое место перед собой.

— Это намек?

— Привычка.

Я налил воду заново.

— Вот видите, — сказал он.

— Что?

— Начали сначала.

Я посмотрел на стакан.

Потом на него.

— Сейчас вы слишком довольны собой.

— Немного.

Я поставил воду перед ним.

— Не привыкайте.

За окном дождь стал тише. Или мне так показалось. Город за стеклом оставался размазанным, почти акварельным. Я подумал о Викторе. Где он сейчас? Спит. Работает. Пьет где-нибудь пиво. Бегаёт по утрам. Не бегаёт. Женился. Развёлся. Открыл бизнес. Снова планирует открыть. Уехал. Остался.

Вариантов было много.

Самое странное — любой из них подходил.

— Знаете, что мне больше всего нравилось в Викторе? — спросил я.

— Что?

Я улыбнулся.

— Он никогда не говорил: «Все. Уже поздно».

Гость не ответил.

— С понедельника — говорил. После Нового года — говорил. После кредита. После отпуска. После расставания. В следующем месяце. В следующем году.

Я пожал плечами.

— Но никогда «поздно».

Мужчина посмотрел на меня и в его лице на секунду появилось что-то странное.

Не улыбка. Не грусть. Скорее узнавание.

— Это немало, — сказал он.

— Может быть.

— Иногда очень много.

Я не стал спорить. Просто посмотрел на дождь. И почему-то впервые за много лет подумал о Викторе не как о человеке, который вечно откладывал жизнь. А как о человеке, который раз за разом позволял себе начать еще раз.

Даже когда выглядел смешно.

Даже когда уже проваливался.

Даже когда окружающие заранее знали, чем все закончится.

Возможно, особенно тогда.

Я сделал глоток воды.

— Все равно восемь раз бросать пить за год — это смешно.

— Безусловно.

— Вот и договорились.

Мужчина улыбнулся.

А я вдруг поймал себя на мысли, что надеюсь: Виктор все-таки открыл тот чертов бизнес.

Перекур

После Виктора мне захотелось курить. Не метафорически. Не потому что разговор оказался тяжелым и требовал какого-то красивого жеста с сигаретой под дождем.

Просто захотелось курить.

Организм вообще редко интересуется драматургией. Он может захотеть жрать посреди похорон, чесаться во время признания в любви и писать ровно в тот момент, когда человек напротив рассказывает тебе самое важное событие своей жизни.

Я встал.

— Пять минут, — сказал я.

— Хорошо.

— Не уходите.

Мужчина посмотрел на меня.

— Вы только что собирались меня выгнать.

— Ситуация изменилась.

— Из-за Виктора?

— Из-за никотина.

Я достал пачку из кармана.

Гость перевел взгляд на сигареты.

— Курите давно?

— Достаточно, чтобы регулярно бросать.

Он улыбнулся.

— Как Виктор?

— Даже не начинайте.

Я направился к двери.

Уже взялся за ручку, когда услышал за спиной движение.

Обернулся.

Мужчина снимал куртку со стула.

— Вы куда?

— С вами.

— Вы курите?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он пожал плечами.

— Составлю компанию.

Я несколько секунд смотрел на него.

— Курильщики выходят не за компанией.

— А зачем?

— Курить.

— Тогда почему обычно зовут кого-нибудь с собой?

Я открыл рот.

Закрыл.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что...

Я задумался.

Никогда в жизни не анализировал социальную механику перекура.

Люди действительно говорят: «Пойдем покурим».

Даже человеку, который не курит. Иногда он идет. Стоит рядом. Мерзнет. Дышит дымом. Потом возвращается внутрь. Добровольно.

— Потому что курильщики — стадные животные, — сказал я.

— Хорошо.

— Но вы не курильщик.

— Могу временно присоединиться к стаду.

— Без сигареты?

— Есть требования?

— Пока нет. Но после этой ночи я составлю устав.

Я открыл дверь и в помещение сразу ворвался холодный влажный воздух. Дождь ослаб. Теперь не лило стеной, но мелкие капли все равно летели под козырек и темными точками ложились на плитку возле входа. Я выключил сигнал двери, чтобы она не пищала из-за открытой створки.

Мы вышли.

Бар за спиной сразу стал выглядеть чужим. Так всегда происходит после закрытия. Пока находишься внутри, это рабочее место. Выходишь наружу, оглядываешься через витрину — и там уже просто помещение.

Стол.

Стулья.

Бутылки.

Свет.

Без людей все заведения немного похожи на декорации, которые забыли разобрать после спектакля. Я прикрыл дверь, оставив ее незапертой. Гость встал рядом. Не слишком близко. Не слишком далеко. Хорошая дистанция.

Я достал сигарету. Покрутил зажигалку. Щелкнул. Ветер сразу задул огонь.

— Конечно.

Вторая попытка.

Снова.

— Помочь? — спросил мужчина.

— А вы умеете командовать ветром?

Он посмотрел на дождь.

— Вроде нет.

— Тогда бесполезны.

На третий раз я прикрыл огонь ладонями и наконец закурил. Первая затяжка после нескольких часов в помещении всегда ощущалась особенно хорошо. Вернее, я убеждал себя, что хорошо. Курение вообще держится на большом количестве коллективных договоренностей с самим собой. Что успокаивает. Что помогает думать. Что нужна всего одна. Что после кофе особенно вкусно. Что бросишь, когда станет спокойнее.

Последний пункт особенно смешной.

Когда в человеческой жизни вообще становится спокойнее? Если умер — наверное. Хотя это тоже зависит от религии. Я выдохнул дым в сторону улицы.

— А почему не внутри? — спросил Гость.

— Что?

— Бар закрыт.

— И?

— Никого нет.

— Я есть.

Он кивнул.

— То есть принцип.

— Скорее привычка.

— В чем разница?

— Принцип звучит так, будто я хороший человек.

— А привычка?

— Просто достаточно долго делал одно и то же.

Он посмотрел через стекло внутрь.

— Вам нравится ваш бар?

— Он не мой.

— Вы поняли вопрос.

Я затанулся.

— Иногда.

— Что нравится?

— Сейчас?

— Например.

Я тоже посмотрел внутрь, с улицы свет казался теплее, бутылки за стойкой отражали лампы, а на чистом полу вытянулись ножки стульев. Стаканы висели вверх дном. Все стояло на своих местах.

— Когда пустой, нравится больше.

— Для бара странно.

— Для бармена нормально.

Он усмехнулся.

— А люди?

— Что люди?

— Вы говорите, что работаете с ними. Наблюдаете. Запоминаете. Рассказываете о них спустя годы. Но самый приятный момент — когда они ушли.

Я посмотрел на него.

— Вы сейчас хотите снова начать?

— Нет.

— Хорошо.

Я стряхнул пепел.

— Иногда любишь людей именно тогда, когда они уходят вовремя.

— Это про гостей?

— Это про человечество.

Он засмеялся.

— А вы мизантроп.

— Нет.

— Нет?

— Мизантропы слишком много думают о людях.

— А вы?

— Я слишком много думаю о людях.

Он повернулся ко мне.

— Значит...

— Не надо.

Он улыбнулся.

Я снова затаился.

Мимо проехало такси.

На мокрой дороге шины прошуршали почти бесшумно. Несколько секунд мы оба молчали. Это было хорошее молчание.

Без ожидания.

Без необходимости заполнить его.

Редкая штука.

Я покосился на мужчину. Он смотрел куда-то вверх. На дома. Темные окна. Редкие светящиеся прямоугольники.

— Что там?

— Где?

— Вы смотрите.

— Окна.

— Очень содержательно.

— Интересно, кто еще не спит.

Я посмотрел. В доме напротив свет горел только в трех окнах. На пятом этаже кто-то ходил по кухне. Выше работал телевизор. Еще одно окно было просто освещено, но человека видно не было.

— Алкоголики, — сказал я.

— Все?

— Ночные смены.

— Еще.

— Молодые родители.

— Еще.

— Люди, которые поссорились.

— Почему обязательно поссорились?

— Потому что счастливые люди в четыре утра спят.

— Уверены?

Я подумал.

— Нет.

— А писатели?

— Эти страдают днем.

— А ночью?

— Тоже.

— Тогда зачем пишут?

— Потому что однажды зачем-то решили, что могут.

Он улыбнулся.

— Вы же хотели писать.

Я посмотрел на него.

— У вас хорошая память.

— Вы только недавно сказали.

— Все равно неприятно.

— Пишете ночью?

— Иногда.

— После смен?

— Иногда.

— Устаете?

— Всегда.

— Тогда как?

Я пожал плечами.

— Плохо.

Он рассмеялся.

— Зато честно.

— А вы что делаете ночью?

— Сегодня разговариваю с барменом.

— Обычно.

— По-разному.

— Очень информативный человек.

— Вы тоже не на все отвечаете.

— Мне можно.

— Почему?

— Бармен.

Он рассмеялся.

Я тоже.

Сигарета прогорела примерно до половины. Я стряхнул пепел в урну.

— Кстати, — сказал я. — Вы не курите вообще?

— Нет.

— Никогда?

— Пробовал.

— Когда?

Он задумался. Слишком надолго для такого вопроса.

— Давно.

— Насколько?

— Достаточно давно.

Я посмотрел на него.

— Вы издеваетесь?

— Немного.

— Уже прогресс.

Он улыбнулся.

— Не понравилось.

— Правильный человек.

— Но вы продолжили.

— Я менее правильный.

— Или больше понравилось.

— Сначала никому не нравится.

— Тогда зачем начинают?

Я поднял сигарету.

— Потому что в шестнадцать лет человек довольно редко принимает решения, ориентируясь на перспективу рака легких.

— Вам было шестнадцать?

Я покосился на него.

— Не собираюсь отвечать.

— Значит, около того.

— Вы раздражаете.

— Вы часто это говорите.

— Значит, вы стабильны.

Я докурил почти до фильтра. Потушил сигарету и поче-

му-то не пошел обратно. Мужчина тоже не двигался. Дождь снова немного усилился. На витрине появились новые капли. Изнутри они обычно выглядели красивее. Снаружи просто мокро.

— Замерзли? — спросил я.

— Нет.

— Вообще?

— Пока нет.

Я потянул молнию куртки выше.

— А я да.

— Тогда пойдемте внутрь.

— Вы прекрасно освоили барную индустрию. Уже командуете персоналом.

Мы открыли дверь, внутри сразу стало теплее.

Я закрыл ее.

Щелкнул замком. Потом машинально дернул ручку. Гость посмотрел.

— Не надо.

— Я молчу.

— Лицо у вас опять есть.

— Оно у меня постоянно.

Я снял куртку. Повесил обратно. Мужчина сделал то же самое. Я прошел за стойку. Запах сигареты тянулся за мной. Помыл руки. Прополоскал рот водой. Гость смотрел.

— Что?

— Ничего.

— Вы опять.

— Просто очень последовательны.

— В чем?

— Не курите внутри. Моете руки. Проверяете дверь два раза. Ставите бутылки ровно.

— У каждого свои психические расстройства.

— Возможно.

Я вытер руки.

— Вам в туалет не надо?

Он слегка удивился.

— Это приглашение?

— Вы выпили уже литра полтора воды.

— Вы считали?

— Нет.

Я немного подумал.

— Примерно.

— Пока не надо.

— Счастливый человек.

— Почему?

— Я после двух стаканов воды начинаю планировать маршрут по городу относительно туалетов.

Он засмеялся.

— Возраст?

— Мне тридцать два.

— Именно.

— Идите нахуй.

Он рассмеялся еще сильнее. Это был первый раз, когда я услышал, как он смеется по-настоящему громко.

Не тихо.

Не вежливо.

Не уголком рта.

Нормально.

Почти по-молодому.

И на несколько секунд он действительно стал выглядеть моложе.

Лет сорок.

Может, даже меньше.

Странное лицо.

Я поймал себя на том, что снова пытаюсь определить возраст.

Бросил.

— А если понадобится? — спросил он.

— Что?

— Туалет.

Я указал рукой.

— По коридору направо. Первая дверь.

— Спасибо.

— Кодовое слово «свобода».

Он остановился.

— Серьезно?

— Нет.

— Жаль.

— Хотите, сделаю табличку.

— Не нужно.

Он снова сел.

Я встал напротив.

Между нами вернулась стойка.

Как будто так и должно было быть.

Я посмотрел на него.

Потом на стакан.

— Еще воды?

Он тоже посмотрел на стакан.

— После разговора о туалете?

— Хорошее замечание.

Я все равно долил.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он сделал глоток.

— Значит, следующий человек?

Я поднял бровь.

— Вы уже составляете программу?

— Мне понравилась история Виктора.

— Следующая совсем другая.

— Кто?

Я задумался. Из всех людей, о которых можно было рассказать после Виктора, Люба действительно подходила лучше остальных. Потому что если Виктор всю жизнь ждал правильного момента, то Люба в правильный момент вообще

не верила. Она просто каждый раз прыгала. Иногда в воду. Иногда в бетон. Но прыгала одинаково уверенно.

Я улыбнулся.

— Женщина.

— Уже интересно.

— Не спешите.

— Как зовут?

— Люба.

Гость слегка улыбнулся. Я заметил.

— Что?

— Красивое имя.

— Вы еще не знаете, насколько.

— Почему?

Я взял свой стакан.

— Потому что Люба влюблялась примерно так же регулярно, как другие люди оплачивают коммуналку.

— Раз в месяц?

— Иногда чаще.

Он рассмеялся.

— И каждый раз серьезно?

Я посмотрел на него.

Вот тут шутка закончилась быстрее, чем я ожидал.

— Каждый.

Он перестал улыбаться.

— Тогда рассказывайте.

Я немного помолчал.

А потом начал.

Глава III. Люба

Люба влюблялась примерно так же регулярно, как другие люди оплачивают коммуналку. Разница заключалась в том, что коммуналку иногда можно просрочить. С любовью Люба старалась не затягивать.

Первый раз я увидел ее с Антоном. По крайней мере, мне кажется, его звали Антон. Возможно, Артем.

Мужчины Любы со временем немного перемешались у меня в памяти, и я считаю, что моей вины здесь нет. Если один человек приводит тебе за несколько лет достаточное количество потенциальных мужей, бармен имеет право на погрешность.

Саму Любу я помнил хорошо.

Она была старше меня на несколько лет, хотя определить возраст по ней было сложно. Не потому что выглядела особенно молодо. Просто существовали люди, которым возраст как будто не очень подходил. В двадцать пять они выглядят на тридцать. В тридцать пять — на тридцать. В сорок — все еще примерно на тридцать. А потом однажды им семьдесят. Как это работает, я не знаю. Возможно, они заключают какой-то договор.

Люба была громкой. Не шумной, а именно громкой.

Когда она заходила в помещение, пространство довольно быстро узнавало о ее существовании.

Она смеялась так, что люди за соседними столами начинали улыбаться, даже если не слышали шутку. Разговаривала руками. Обнимала знакомых двумя руками, незнакомых иногда тоже. Могла за пять минут познакомиться с официантом, через десять узнать, как зовут его кота, а через двадцать уже давать советы по отношениям.

Советы у Любы были отвратительные, но уверенные.

— Если сомневаешься — уходи, — сказала она однажды нашей официантке.

Через час сама позвонила бывшему. Такая была женщина. С Антоном она пришла вечером в пятницу. Они сели за стойку, точнее, сначала сел он.

Люба подошла сзади, обняла его за шею и поцеловала в щеку.

— Знакомься, — сказала она мне. — Это Антон.

Значит, все-таки Антон.

Приятно, когда память иногда подтверждается.

— Очень приятно.

Антон протянул руку.

Нормальный мужик.

Вот абсолютно.

У Любы вообще был талант находить мужчин, о которых в первые десять минут невозможно сказать ничего плохого. Впрочем, ничего хорошего тоже. Антон работал где-то в продажах. Любил футбол. Водил машину. Заказал виски с колой. У него были часы. Не знаю зачем я это запомнил, на-

верное, потому что он постоянно их поправлял.

— А это тот самый бармен, — сказала Люба.

Я посмотрел на нее.

— Какой?

— Про которого я рассказывала.

Я посмотрел на Антона.

Антон посмотрел на меня.

Нам обоим стало немного неудобно.

— И что она рассказывала? — спросил я.

— Что ты хороший.

— Фух.

— И смешной.

— Уже хуже.

— И лысый.

— А вот это клевета.

Антон засмеялся.

Я тоже.

Люба довольно посмотрела на нас, будто лично организовала успешные переговоры двух государств.

— Я же говорила, вы поладите.

— Мы знакомы сорок секунд, — сказал я.

— Я чувствую людей.

Антон поднял виски.

— Она чувствует всех.

— Не слушай его.

— Я вообще ничего не сказал.

— У тебя лицо сказало.

— Оно у меня постоянно.

Странно.

Я на секунду замолчал.

Эту же фразу совсем недавно произнес мужчина, который сейчас сидел напротив меня в другом баре, другой ночью. Иногда память цепляется за совершенно ненужные совпадения.

— И что было с Антоном? — спросил мой собеседник.

— Ничего.

— Совсем?

— В том-то и дело.

Я вернулся к Любе.

В тот вечер она была влюблена. Это было видно. Не по поцелуям. Не по тому, что держала Антона за руку. Не по тому, что постоянно касалась его плеча. Влюбленные люди вообще делают много стандартных вещей, которые легко подделать.

Люба делала другое.

Она его слушала.

Вот по-настоящему.

Антон рассказывал какую-то чудовищно скучную историю про работу. Я не помню деталей. Там были поставщики. Какие-то документы. Мужчина по имени Олег, который всех подвел. Сроки. Таблица. Если бы Антон рассказывал это мне, я бы, вероятно, начал подливать себе водку прямо в глаза. Люба слушала так, будто Олег лично угрожал суще-

ствованию их семьи.

— И что он сделал? — спрашивала она.

— Не прислал.

— Вообще?

— Вообще.

— Вот мудак.

Антон кивал.

— Я ему то же самое сказал.

— Правильно.

Она была полностью на его стороне. Я тогда подумал, что любовь, возможно, именно так и выглядит.

Не секс.

Не цветы.

Не поездки.

А способность искренне ненавидеть незнакомого Олега из отдела поставок просто потому, что он расстроил человека, которого ты любишь. Через два месяца Антон исчез.

Люба пришла одна.

— Где жених? — спросил я.

— Какой?

Я посмотрел на нее.

Она посмотрела на меня.

— Антон.

— А.

Пауза.

— Мудак.

— Олег?

— Кто?

— Неважно.

Она села.

— Вино.

— Какое?

— Красное.

— Это я понял.

— Большое.

— Бутылку?

— Бокал.

— Тогда размер стандартный.

— Налей с любовью.

— Она оплачивается отдельно.

— Сколько?

— Тебе не по карману.

Она показала средний палец.

Я налил.

Люба выпила половину бокала практически сразу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Хорошо.

Я ушел к другим гостям.

С Любы иногда надо было снимать крышку медленно. Если начать спрашивать, она закрывалась. Если оставить в покое, через несколько минут крышка отлетала сама и могла

кого-нибудь убить. Минут через семь она сказала:

— Он сказал, что не готов к серьезным отношениям.

Я продолжил резать лимон.

— Понял.

— Три месяца.

— Что три месяца?

— Три месяца человек был готов.

Я кивнул.

— А потом внезапно не готов.

— Может, устал.

— Я тебе сейчас этим лимоном в глаз дам.

— Продолжай.

Она сделала глоток.

— Я вообще не понимаю эту фразу.

— Какую?

— «Не готов к серьезным отношениям».

— Вполне понятная.

— Нет. Это что, марафон? Надо тренироваться? Анализы сдавать? Справку получать?

— Медкомиссию.

— Вот именно.

Она поставила бокал.

— Он три месяца у меня спал. Ел. Я его с мамой познакомила.

— Вот тут мог испугаться.

— Моя мама нормальная.

— Я ее не знаю.

— Поэтому не пизди.

— Справедливо.

Она вздохнула.

— А потом говорит: «Я понял, что сейчас не готов».

— Может, действительно понял.

Люба посмотрела на меня так, будто я только что добровольно вступил в войну на стороне противника.

— Ты сейчас его защищаешь?

— Нет.

— Похоже.

— Я его видел один раз.

— Три.

— Тем более не защищаю.

— Тогда скажи, что он мудака.

Я поставил нож.

— Он мудака.

— Спасибо.

— Сервис.

Она допила вино.

— Еще.

Я налил.

— Хотя, — сказал я, — если человек не хочет отношений, наверное, лучше сказать.

Люба замерла.

— Зачем ты испортил?

— Что?

— Я только начала чувствовать себя лучше.

— Прости.

— Поздно.

Она взяла бокал.

— Я понимаю.

— Что?

— Что лучше сказать.

Покрутила вино.

— Просто почему нельзя понять это до того, как я влюбилась?

Я ничего не ответил, потому что хорошего ответа не было.

Люба посмотрела на меня.

— Вот.

— Что «вот»?

— Даже ты не знаешь.

— Я много чего не знаю.

— Ты бармен.

— Наконец хоть кто-то понимает границы профессии.

Она засмеялась и минут через двадцать уже рассказывала мне совершенно другую историю.

Так работала Люба.

Не то чтобы боль быстро проходила. Она просто не считала, что обязана все время выглядеть так, как ей больно. Антона она вспоминала еще долго.

Иногда зло.

Иногда спокойно.

Однажды сказала, что скучает. А через неделю — что если увидит, плюнет.

Еще через месяц увидела. Не плюнула. Поздоровалась. Так тоже бывает.

Следующего звали Максим.

В этом я уверен.

Потому что Максим продержался почти полгода.

Когда Люба впервые привела его, я посмотрел на нее. Потом на него. Потом снова на нее. Она сразу поняла.

— Даже не начинай.

— Я ничего.

— У тебя лицо.

— Оно у меня...

Я остановился.

— Что?

— Ничего.

— Вот и молчи.

Максим был совсем не похож на Антона. Высокий. Худой. Длинные волосы, собранные сзади. Работал фотографом. Пил джин чистым, что уже заставляло меня относиться к нему с осторожностью. Не потому что это плохо. Просто человек, который добровольно пьет теплый чистый джин, либо очень хорошо знает, чего хочет от жизни, либо окончательно перестал задавать вопросы.

— Максим, — сказала Люба. — Это...

Она показала на меня.

И зависла.

Я ждал.

Максим ждал.

— Блядь.

— Очень приятно, — сказал я.

— Я знаю твое имя.

— Уверен?

— Конечно.

— Ну?

Она прищурилась.

— Не доебывайся.

Максим рассмеялся.

— Вы давно знакомы?

— Достаточно, чтобы он меня бесил.

— Это взаимно, — сказал я.

— Врет. Он меня любит.

— Это профессиональная этика.

— Видишь?

Максим кивнул.

— Вижу.

Люба была счастлива.

Опять.

И вот тут я впервые подумал, что с ней что-то не так.

Не потому что появился новый мужчина. Люди расходятся.

Знакомятся. Влюбляются снова. Нормальная жизнь. Меня

удивляла скорость, с которой Люба возвращала себе способность смотреть на другого человека так, будто до него никто ничего не сломал.

Я бы так не смог.

Даже тогда уже понимал. Каждый человек, которого подпускаешь близко, оставляет после себя небольшую инструкцию по технике безопасности.

После одного не доверяешь словам.

После другого — обещаниям.

После третьего начинаешь замечать, когда человек слишком долго не отвечает.

После четвертого решаешь вообще больше никого не подпускать.

Так постепенно собирается очень надежная система защиты.

Проблема только в том, что однажды за ней становится невозможно жить.

Люба будто каждый раз выбрасывала инструкцию.

— Это глупость, — сказал я.

Мужчина напротив чуть нахмурился.

— Что?

— Так жить.

— Почему?

— Потому что результат очевиден.

— Какой?

— Ей снова сделают больно.

— Обязательно?

— Статистика.

— Сколько мужчин вы перечислили?

— Пока два.

— Не очень убедительная статистика.

— Подождите.

Он улыбнулся.

— То есть их будет много?

— Достаточно.

— И каждый раз ей сделают больно?

— Почти.

— Она кому-нибудь сделает?

Я задумался.

— Наверняка.

— Вы об этом расскажете?

— Если вспомню.

Он посмотрел на меня. Спокойно. Я уже начинал узнавать этот взгляд. Так он смотрел, когда не соглашался, но хотел, чтобы я сначала сам договорил.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Нет. Давайте.

— Вы говорите о ней так, будто существует правильное количество попыток.

— Не существует.

— Тогда в чем глупость?

— В том, чтобы каждый раз ждать другого результата.

— А что ей делать?

— Быть осторожнее.

— Насколько?

— Не знаю.

— Не влюбляться?

— Я этого не говорил.

— А как влюбиться осторожно?

Я открыл рот.

Он ждал.

— Медленно.

— Это скорость?

— Вы прекрасно поняли.

— Нет.

Он действительно выглядел заинтересованным.

— Можно любить человека на двадцать процентов?

— Можно сначала его узнать.

— А потом?

— Потом решать.

— Любить или нет?

— Например.

Он немного помолчал.

— У вас так получалось?

Вот опять.

Совершенно обычный вопрос, но почему-то он умел задавать их так, что сразу хотелось проверить, закрыта ли дверь.

— Мы говорим о Любе.

— Значит, нет.

— Значит, идите нахуй.

Он засмеялся.

— Второй раз за ночь.

— Ведите счет.

— Уже.

Я покачал головой.

— Вы просто ее оправдываете.

— Нет.

— Тогда что?

— Мне кажется странным обвинять человека в том, что он продолжает верить другим людям.

— После того как они много раз его подводили?

— Особенно после этого.

Я посмотрел на него.

— Вот это как раз и называется глупостью.

Он улыбнулся.

— Или смелостью.

— Нет. Смелость — это когда понимаешь риск.

— А она не понимала?

Я собирался сказать «нет».

Но вспомнил.

Конечно понимала. Люба не была душой. Вот что всегда портило мою красивую теорию. Она прекрасно видела мужчин, иногда даже раньше меня. Замечала ложь. Замечала

слабость. Замечала, когда ей недоговаривали. Могла за десять минут разобрать чужие отношения на детали и довольно точно предсказать, чем они закончатся.

Кроме собственных.

Хотя...

Возможно, и собственные тоже.

Однажды Максим ушел в туалет, а Люба осталась у стойки. Она посмотрела ему вслед. Потом сказала:

— Мы расстанемся.

Я перестал протирать бокал.

— Вы только начали встречаться.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Она посмотрела на меня как на идиота.

— Что зачем?

— Если знаешь.

— Я не знаю.

— Только что сказала.

— Мне кажется.

— Большая разница.

— Огромная.

Она взяла коктейль.

— Может, не расстанемся.

— А если расстанетесь?

Люба пожала плечами.

— Тогда будет хуево.

— Отличный план.

— А у тебя лучше?

Я промолчал.

— Вот.

— Ты даже не знаешь мой план.

— Именно.

Она улыбнулась. Максим вернулся. Люба сразу подалась к нему. Он что-то сказал ей на ухо и она засмеялась.

И я вдруг понял:

Она не была слепой - она видела край.

Просто все равно шла дальше. С Максимом они действительно расстались. Через пять месяцев. Причем в этот раз ушла Люба.

— Почему? — спросил мужчина.

— Он ей изменил.

— Тогда понятно.

— Нет.

— Что нет?

— Она простила.

Мужчина чуть нахмурился.

— А ушла почему?

— Он изменил второй раз.

— А.

— Вот именно.

Я усмехнулся.

— У Любы была очень странная система.

— Какая?

— Первый раз человек ошибся. Второй — это уже характеристика.

— Разумно.

— Нет, если спросить меня.

— А если ее?

— Она именно так и говорила.

После первой измены Люба пришла ко мне одна. Не плакала. Это почему-то пугало больше.

Села.

— Вино.

— Большое?

Она посмотрела.

— Бутылку.

Я достал бутылку.

— Все настолько хорошо?

— Заебись.

Открыл. Налил немного попробовать. Она посмотрела на меня.

— Ты серьезно?

— Работа.

— Я сейчас выпью даже уксус.

— А утром напишешь отзыв.

Она попробовала.

— Нормальное.

Я долил.

— Что случилось?

Она посмотрела в бокал.

— Максим трахнул другую.

Тут я уже ничего смешного не придумал. Иногда мозг понимает границы.

— Понял.

— Я тоже.

Она выпила.

— И что будешь делать?

— Не знаю.

— Убивать?

— Пока нет.

— Хорошо.

— Я его простила.

Вот здесь я удивился.

— Уже?

— Да.

— Когда узнала?

— Сегодня.

— Когда простила?

— Часа два назад.

— Люба.

— Что?

— У тебя скорость принятия решений иногда пугает.

— Я думала.

— Два часа?

— Очень интенсивно.

— Это не мысль. Это паническая атака с выводами.

Она засмеялась. Потом сразу перестала.

— Я его люблю.

— И?

— И что?

— Это все?

— А должно быть что-то еще?

Я прислонился к стойке.

— Не знаю. Например, он тебя предал.

— Да.

— Тебе больно.

— Пиздец.

— Ты ему доверяешь?

Она замолчала.

Вот здесь впервые.

— Не знаю.

— Тогда...

— Но люблю.

Я помню, как меня раздражила эта фраза.

Не Люба.

Именно фраза.

«Но люблю».

Будто любовь — универсальная справка, освобождающая от здравого смысла.

Люди терпели унижения.

Возвращались.

Ждали.

Прощали.

Разрушали себя.

И где-то рядом всегда лежало это маленькое объяснение:

«Но я его люблю».

— Любовь вообще очень переоценена, — сказал я.

Люба подняла глаза.

— Это потому что ты мудака.

— Хороший аргумент.

— Серьезно.

— Я тоже.

— Нет.

Она ткнула пальцем в стойку.

— Ты думаешь, если любовь делает тебе больно, значит она плохая.

— Довольно разумно.

— А если спорт делает больно?

— Я его бросаю.

Она засмеялась.

— Дебил.

— Зато последовательный.

Она сделала глоток.

— Я не говорю, что надо терпеть все.

— Уже хорошо.

— Но если человек один раз сделал хуйню...

— Трахнул другую женщину.

— Спасибо, что уточнил.

— Для протокола.

— Если он сделал хуйню и понимает, что сделал...

— Все понимают, когда поймали.

— Вот поэтому у тебя никого и нет.

Фраза попала неожиданно. Я посмотрел на нее. Она сразу поняла.

— Блядь. Прости.

— Нормально.

— Я не хотела.

— Люба.

— Что?

— Налить еще?

Она помолчала. Потом подвинула бокал.

— Налей.

Мы больше не обсуждали меня. Через два месяца Максим изменил снова. И тогда Люба ушла. Без третьей попытки.

— Значит, все-таки научилась, — сказал я мужчине.

Он посмотрел на меня.

— Чему?

— Не наступать на одни грабли.

— Или просто поняла, где заканчивается ее предел.

— Какая разница?

— Большая.

— Объясните.

— Если человек больше не верит никому — он научился не наступать на грабли.

Мужчина сделал глоток воды.

— Если не верит только тому, кто дважды его обманул, он просто научился выбирать грабли.

Я засмеялся.

— Это самая идиотская метафора за сегодня.

— Но вы поняли.

— К сожалению.

Я посмотрел на него.

— Вы очень защищаете Любу.

— Я ее не знаю.

— Тем более.

— Мне нравится то, что вы о ней рассказываете.

— Почему?

Он немного подумал.

— Она не делает из чужой ошибки закон природы.

Я замолчал.

— Это как?

— Один человек обманул ее.

Он пожал плечами.

— Значит, один человек обманул ее.

— Потом второй.

— Значит, два.

— Потом будет третий.

— Три.

— В какой момент можно сделать вывод?

— О ком?

— О людях.

Он посмотрел на меня и вдруг рассмеялся. В этот раз не громко, а скорее удивленно.

— Что?

— Ничего.

— Нет, говорите.

— Вы действительно хотите составить мнение о нескольких миллиардах человек по бывшим мужчинам Любы?

Я хотел ответить, но тоже засмеялся.

— Если правильно подобрать бывших, выборка будет репрезентативной.

— Сомневаюсь.

— Вы плохо знаете бывших.

— Возможно.

Я взял бутылку воды.

Налил себе.

— Хорошо. Допустим. Один человек тебя предал. Потом второй. Потом третий. И ты каждый раз снова веришь следующему.

— Да.

— Это разумно?

— Нет.

Ответ меня удивил.

— Вот.

— Я и не говорил, что любовь разумна.

— Наконец-то.

— Но вы почему-то считаете это аргументом против нее. Я замер с бутылкой в руке.

Мужчина продолжал спокойно:

— Голод тоже не всегда разумен. Страх. Желание иметь детей. Привязанность к дому. Потребность, чтобы кто-то ждал вашего возвращения.

Я невольно вспомнил собаку. Он этого знать не мог, хотя про собаку мы уже говорили.

Конечно.

— Люди вообще довольно плохо устроены для исключительно разумной жизни, — закончил он.

— Это ваша защита?

— Чего?

— Любви.

Он посмотрел на меня и впервые за весь разговор с Любой мне показалось, что вопрос задел уже его.

Совсем немного.

Почти незаметно.

Он провел большим пальцем по стакану.

Так же, как когда-то Виктор проводил по чехлу телефона.

Интересно.

— Возможно, — сказал мужчина.

— Почему?

Он не ответил сразу.

— Мне кажется, от нее слишком многого хотят.

— От любви?

— Да.

— Например?

— Чтобы она обязательно была взаимной.

Я слушал.

— Чтобы была вечной.

Он посмотрел на воду.

— Чтобы делала людей хорошими. Чтобы спасала отношения. Чтобы исправляла характер. Чтобы не позволяла предавать. Чтобы гарантировала счастье.

Он поднял глаза.

— А потом, когда она ничего из этого не делает, люди решают, что проблема была в ней.

Я несколько секунд молчал.

— А в чем?

— Может быть, она просто никогда ничего такого не обещала.

Вот теперь пауза получилась длиннее.

Холодильник за моей спиной снова включился.

Я посмотрел на мужчину.

Что-то в его лице изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Как будто последние слова предназначались не мне.

Я хотел спросить.

Не стал.

Наверное, впервые за ночь решил оставить чужую дверь закрытой.

Вместо этого сказал:

— Очень удобно.

Он поднял взгляд.

— Что?

— Сначала придумать любовь, потом снять с нее всю ответственность.

Его лицо застыло.

На секунду.

Буквально.

А потом он улыбнулся.

— Кто сказал, что ее кто-то придумал?

Я тоже улыбнулся.

— Вот теперь вы точно начинаете звучать как человек после развода.

Он рассмеялся.

Напряжение исчезло.

Почти.

Я сделал глоток воды.

— В общем, Максим ушел.

— Люба его выгнала.

— Да.

— Это разные вещи.

— Хорошо. Максим был выгнан.

— А потом?

Я посмотрел на него.

— Потом был Илья.

— Быстро?

— Через три месяца.

— И?

Я усмехнулся.

— Вот Илью я ненавидел.

Мужчина заинтересованно подался вперед.

— Почему?

— Он заказывал мохито зимой.

Пауза.

— И?

— Что «и»?

— Это все?

— Вам мало?

Он засмеялся.

— Рассказывайте.

Я поставил бутылку на стойку и начал рассказывать про Илью.

Илья заказывал мохито зимой. Я понимаю, что на фоне измен, разбитых сердец и прочих человеческих преступлений это выглядит слабой причиной для ненависти. Но вы просто никогда не делали семь мохито подряд двадцать девятого декабря.

Мята вялая. Лаймы зимой выглядят так, будто сами переживают тяжелый период. Лед заканчивается.

За стойкой очередь.

А человек сидит и говорит:

— Можно еще один, только в этот раз чуть менее сладкий?

Нет, Илья. Нельзя. В этот раз можно только выйти на улицу и подумать над своим поведением. Разумеется, вслух я этого не говорил.

— Конечно, — отвечал я. — Сделаем менее сладким.

Профессионализм — это когда внутри тебя происходит убийство, а снаружи сервис. Илья был моложе Любы. Не на много. Года на три или четыре. Но Люба упоминала это так часто, будто ей было пятьдесят восемь, а ему только выдали паспорт.

— Он молодой, — сказала она в первый вечер.

— Я вижу.

— Насколько молодой? — спросил Илья.

— Не настолько, чтобы радоваться этому вопросу.

Люба засмеялась.

Илья тоже.

Я поставил перед ним мохито.

Он попробовал.

— Отлично.

Я его еще не ненавидел. Это пришло позже. Илья работал архитектором. Или дизайнером интерьеров. Или архитектором, который очень раздражался, когда его называли дизайнером интерьеров. Что-то в этом районе. Он хорошо одевал-

ся, говорил тихо и удивительно редко доставал телефон. Последнее я запомнил. Человек в баре, который не проверяет телефон каждые четыре минуты, либо очень счастлив, либо его разыскивает полиция.

Илья просто смотрел на Любу.

Она говорила. Он слушал. Потом говорил он. Она перебывала. Он не раздражался. Уже подозрительно.

— Нормальный, — сказал я Любе, когда Илья вышел на улицу ответить на звонок.

Она повернулась ко мне.

— Кто?

— Мохито.

— Илья.

— Будем пока называть по напитокку.

— Ты дебил.

— Но нормальный.

Она улыбнулась.

— Мне тоже нравится.

— Вот это уже опасно.

— Почему?

— Потому что ты сказала это на второй неделе.

— На третьей.

— Прошу прощения. Ситуация совершенно другая.

Она показала мне средний палец.

Я продолжил протирать стойку.

— Что не так? — спросил я.

— В смысле?

— С ним.

— Ничего.

Я поднял глаза.

— Люба.

— Что?

— Мы давно знакомы.

— И?

— Если ты говоришь, что с мужчиной «ничего не так», значит уже нашла минимум четыре пункта.

Она замолчала.

Я улыбнулся.

— Ну?

— Он молодой.

— Мы уже выяснили, что у него есть паспорт.

— У него бывшая красивая.

— Ужас.

— Очень.

— Продолжай.

— Он слишком спокойный.

Я перестал протирать стойку.

— Это теперь недостаток?

— Не знаю.

— Он тебя бьет?

— Нет.

— Пьет?

— Нет.

— Изменяет?

— Мы встречаемся три недели.

— То есть пока не успел.

— Иди нахуй.

— Пожалуйста.

Она вздохнула.

— Просто мне иногда кажется, что ему все равно.

Я посмотрел в сторону двери. Илья стоял под козырьком и говорил по телефону и он даже оттуда выглядел спокойным.

— Потому что не орет?

— Не только.

— А что должен делать человек, которому не все равно?

Люба задумалась.

— Не знаю.

— Отлично.

— Иногда ревновать.

— Зачем?

— Не знаю.

— Прекрасные отношения намечаются.

— Отстань.

Я отстал.

Через пару месяцев она пришла одна.

Я приготовился.

За годы общения с Любой я выработал простую систему раннего предупреждения.

Если она приходила с мужчиной — все хорошо. Если с подругой — произошла какая-нибудь хуйня, но пока контролируемая. Если одна и сразу заказывала вино — плохо. Если одна и говорила «мне чай» — пора вызывать МЧС.

— Чай, — сказала Люба.

Я поставил руки на стойку.

— Что случилось?

— Ничего.

— Какой чай?

— Черный.

— Люба.

— Что?

— Ты пришла в бар в десять вечера и заказала черный чай.

— И?

— Еще скажи, что без сахара.

— Без сахара.

Я потянулся к телефону.

— Кому ты звонишь?

— Родным. Прощаться.

Она засмеялась.

Хорошо.

Значит, не совсем катастрофа.

Я поставил чайник.

— Где Илья?

— Дома.

— Вы поссорились?

— Нет.

— Тогда что?

Она села удобнее.

— Я поцеловалась с другим.

Я остановился.

— А.

— Вот.

— Илья знает?

— Нет.

— А ты планируешь сказать?

— Не знаю.

— А другой кто?

— Неважно.

— Очень удобно.

— Я знаю.

Чайник зашумел. Я смотрел на нее. Люба не выглядела виноватой. Это сначала меня удивило, а потом понял: выглядела. Просто ее вина не была киношной. Она не кусала губы. Не плакала. Не говорила «я ужасный человек». Она просто сидела слишком прямо и не трогала телефон.

— И чего ты хочешь? — спросил я.

— В смысле?

— От меня.

— Чай.

— Это уже делаю.

— Тогда ничего.

— Не верю.

Она посмотрела на меня.

— Скажи, что я мудак.

— Ты мудак.

— Спасибо.

— Сервис.

Я заварил чай.

Поставил перед ней.

Она взяла чашку обеими руками.

— Максим мне изменил, — сказала она.

— Помню.

— Я думала, никогда так не сделаю.

— Ты не переспала.

— Огромное достижение.

— Некоторые начинают именно с него.

Она посмотрела на меня.

— Ты сейчас оправдываешь?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что мир не заканчивается на одном поцелуе.

— А если для Ильи заканчивается?

— Тогда скажет.

— Если узнает.

— Вот это уже интереснее.

Она вздохнула.

— Я знала, что ты так скажешь.

— Тогда зачем пришла?

— Надеялась, ты стал хуже.

— Работаю над этим.

Она сделала глоток. Обожглась. Выругалась. Поставила чашку обратно.

— Знаешь, что самое мерзкое?

— Что?

— Мне понравилось.

Я промолчал.

— Не человек даже.

— А?

— Само ощущение.

— Какое?

Она смотрела в чай.

— Когда не знаешь, что будет.

Я нахмурился.

— С Ильей знаешь?

— Да.

— И что будет?

— Ничего.

— Отличные отношения.

— Нет, ты не понял.

Она раздраженно убрала волосы за ухо.

— С ним спокойно.

— Это плохо?

— Не знаю.

— Ты уже второй раз говоришь «не знаю», когда описываешь нормального мужика.

— Потому что мне страшно.

Вот тут я остановился.

— Чего?

Люба помолчала.

— Что это все.

— Что все?

— Вот так теперь будет.

Она показала руками куда-то вокруг.

— Работа. Дом. Он. Ужин. Сериал. Выходные. Отпуск раз в год.

— Звучит ужасно.

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь.

На самом деле немного издевался. Потому что тогда еще не понимал, насколько страшной человеку иногда может казаться нормальная жизнь. Позже понял. Гораздо лучше, чем хотелось бы.

— Я его люблю, наверное, — сказала она.

— «Наверное» — хорошее начало.

— Вот.

Она ткнула пальцем в мою сторону.

— Вот именно.

— Что?

— Раньше я не говорила «наверное».

Я вспомнил Антона. Максима. Еще кого-то между ними, о ком сейчас даже не стоило рассказывать.

Да.

Раньше Люба не говорила.

— Может, взрослеешь.

— Не хочу.

— Поздно.

Она посмотрела на меня.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— А если я просто больше не умею?

— Что?

— Нормально любить.

Я усмехнулся.

— А раньше умела?

Она показала средний палец.

Вот теперь стало немного спокойнее.

— Скажешь ему? — спросил я.

Люба смотрела на чай.

— Да.

— Сегодня?

— Завтра.

— Почему завтра?

Она подняла глаза.

Я ничего не сказал.

Она сама поняла.

— Блядь.

Я улыбнулся.

— Виктор бы гордился.

— Какой Виктор?

— Неважно.

Она сказала. Это я узнал через несколько дней. Пришла без Ильи. Заказала пиво. Не вино. Уже хороший знак.

— Ну? — спросил я.

— Сказала.

— И?

— Ушел.

— Совсем?

— Пока.

— Что сказал?

— Что ему надо подумать.

— Разумно.

— Ненавижу разумных людей.

— Поэтому встречалась с остальными.

Она посмотрела на меня.

— Иногда я думаю, почему вообще с тобой разговариваю.

— Потому что другие берут деньги.

Она усмехнулась.

— Он спросил, почему.

— А ты?

— Сказала правду.

— Какую?

— Что мне было скучно.

Я перестал улыбаться.

— Люба.

— Я знаю.

— Это жестко.

— Я знаю.

— Можно было...

— Соврать?

— Нет. Сформулировать.

— Как?

Я подумал.

— «Я испугалась стабильности».

— Это еще хуже.

— Зато звучит как подкаст психолога.

Она рассмеялась.

Потом потерла лицо.

— Он хороший.

— Я знаю.

— Ты его три раза видел.

— Мне хватило.

— А я почему-то не могу просто быть с хорошим человеком.

Вот тут мне не понравилось направление разговора. Потому что я слишком хорошо знал эту ловушку. Если отношения не складываются с плохими людьми — виноваты плохие люди. Если не складываются с хорошим — начинаешь подо-

зревать себя. Иногда справедливо, а иногда нет, но подозрение уже появляется.

— Может, дело не в том, что он хороший, — сказал я.

— А в чем?

— В том, что не твой.

— Очень глубокая мысль.

— Я работаю ночью. Скидку делай.

Она допила пиво.

— А если мой?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она пожала плечами.

— Ты всегда что-нибудь говоришь.

— Это не значит, что надо слушать.

— Уже поздно.

Илья вернулся.

Не в тот вечер.

Через неделю.

Один.

Это уже было странно.

Он сел напротив меня.

— Мохито.

Я посмотрел на него.

— Сейчас февраль.

— И?

— Ничего.

Я начал готовить. Мята была на удивление нормальной.

— Люба бывает? — спросил он.

Я не поднял глаз.

— Бывает.

— Часто?

— Иногда.

— Понял.

Я добавил лайм.

Сахар.

Мяту.

— Как она?

Вот тут бармену надо быть осторожным. Есть негласное правило: не становиться почтовым голубем между людьми, которые ебли друг другу мозги добровольно.

Один раз начнешь — потом всю жизнь:

«А что она сказала?»

«А он был один?»

«А с кем она сидела?»

«А он грустный был?»

Нет.

У меня есть работа.

— Нормально, — сказал я.

— Это «нормально» или твое барменское «нормально»?

Я посмотрел на него.

— Уже научился.

— Немного.

Я поставил мохито.

Илья сделал глоток.

— Я ее люблю.

Я выдохнул.

— Вот не надо.

— Что?

— Меня сюда не впутывай.

— Я просто сказал.

— Люди никогда «просто» не говорят такое бармену.

Он улыбнулся.

— Она думает, что мне все равно.

— Думает.

— А мне не все равно.

— Тогда ей и скажи.

— Говорил.

— Еще раз.

— Сколько?

Я пожал плечами.

— Пока не поймет. Или пока не попросит отстать. По ситуации.

Он засмеялся.

— Хороший совет.

— Не говори никому, что получил его здесь.

— Она боится, когда все спокойно.

Я замер.

— Она тебе сказала?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Илья покрутил трубочку.

— Видно.

Я посмотрел на него.

Может, он был наблюдательнее, чем казался.

— Что будешь делать?

— Не знаю.

— Прекрасно. Вас двое.

— Я не хочу ее убеждать.

— Почему?

— Если человеку надо доказать, что он хочет быть с тобой...

Он пожал плечами.

— Это уже странно.

Вот тут он мне понравился окончательно. Даже несмотря на это ёбаное мохито. Иногда людям надо давать шанс.

— И они сошлись? — спросил мужчина.

Я покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Илья подождал.

— Сколько?

— Несколько месяцев.

— А она?

— Познакомилась с другим.

Он чуть нахмурился.

— Быстро.

— Люба.

— Вы снова ее осуждаете.

— Нет.

Я задумался.

— Наверное, тогда осуждал.

— А сейчас?

Я посмотрел на стакан.

— Сейчас не знаю.

— Почему?

— Потому что потом встретил Илью.

— И?

— Он был женат.

Мужчина удивился.

— На Любе?

— Нет.

— А.

— На другой женщине.

— Через сколько?

— Года через два.

— Быстро.

— Илья.

Он улыбнулся.

— Счастлив?

— Выглядит.

— Значит, возможно, все получилось правильно.

— Не люблю эту фразу.

— Какую?

— «Все получилось правильно».

— Почему?

— Потому что ее всегда говорят после того, как уже знают результат.

Мужчина кивнул.

— Справедливо.

— Если бы Илья два года пил, страдал и умер под автобусом, никто бы не сказал: «Все получилось правильно».

— Верно.

— Поэтому нет. Просто получилось так.

— Хорошо.

Он немного подумал.

— А Люба?

Я усмехнулся.

— У Любы тоже получилось так.

— То есть?

— Потом был еще один.

— Конечно.

— Потом другой.

— Разумеется.

— Потом несколько месяцев никого.

— Уже неожиданно.

— Потом был женатый.

Мужчина поднял брови.

— Она знала?

— Сначала нет.

— Потом?

— Потом да.

— И осталась?

— На время.

— Почему?

— Любила.

Он ничего не сказал.

— Даже вы сейчас не нашли защиты?

— Я не защищаю все, что делают любящие люди.

— А раньше казалось.

— Я защищаю любовь. Это не одно и то же.

Я посмотрел на него.

— Объясните.

— Если человек делает глупость из-за любви, глупость не становится умной.

Он пожал плечами.

— И любовь не становится глупостью.

— Удобно вы их разделили.

— Иначе пришлось бы обвинять голод в том, что кто-то украл хлеб.

— Вы сегодня прямо адвокат абстрактных понятий.

— Платят плохо.

— Как барменам.

— Тогда коллеги.

Я усмехнулся. Несколько секунд мы молчали. Историю женатого я рассказывать не хотел не потому что там происходило что-то особенно страшное. Наоборот. Слишком обычное. Он обещал уйти. Не уходил. Потом снова обещал. Люба ждала. Злилась. Уходила сама. Возвращалась. Такие истории рассказываются за пять минут и иногда длятся несколько лет. Мне не хотелось превращать Любу в каталог мужчин. Она была больше этого. Наверное, именно это я начал понимать слишком поздно.

— А потом однажды она пришла одна, — сказал я.

— После женатого?

— Уже сильно позже.

— И?

Я вспомнил. Это был другой бар. Опять другой.

Я действительно слишком много их сменил. Иногда кажется, что несколько лет жизни можно восстановить только по форме бокалов, которые ты тогда использовал.

Люба вошла днем. Это уже было необычно. Она почти всегда приходила вечером. Села у окна. Я подошел.

— Где мужик?

Она посмотрела на меня.

— Какой?

— Любой.

— Нет.

— В смысле?

— В прямом.

— Заболела?

Она улыбнулась, но слабо.

— Кофе сделай.

— Какой?

— Черный.

— Ты опять пугаешь меня.

Я приготовил американо. Поставил перед ней. Она добавила сахар. Потом еще один пакетик.

— Что случилось?

— Ничего.

— Люба.

— Реально ничего.

— Это и пугает.

Она посмотрела в окно.

— Я устала.

— От чего?

— От этого всего.

— Мужиков?

— От себя с мужиками.

Я прислонился к стойке напротив.

— Разница?

— Большая.

Она размешивала сахар. Ложка тихо стучала о чашку.

— Я больше не хочу никого искать.

— И не ищи.

— Не хочу знакомиться.

— Не знакомься.

— Не хочу свиданий.

— Не ходи.

— Не хочу вот это все в начале.

— Что именно?

Она посмотрела на меня.

— Когда сидишь и пытаешься понять, понравилась ли.

— Ужасный этап.

— Когда ждешь сообщение.

— Еще хуже.

— Когда сама не пишешь специально.

— Детский сад.

— Когда он тоже не пишет специально.

— Корпоративная версия детского сада.

Она улыбнулась.

— Когда первый раз остаешься ночевать и утром думаешь, как выглядишь.

— Все выглядят хуево утром.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Когда знакомишь с друзьями.

Она снова посмотрела в окно.

— Когда начинаешь что-то планировать.

Вот тут я уже не шутил.

— Потом оно заканчивается, и надо сначала.

Она сделала глоток кофе.

— Заебалась сначала.

Я понимал.

Наверное.

К тому моменту уже понимал.

Есть особая усталость от новых людей. Не от одиночества. Не от отсутствия секса. Не от нехватки общения. Именно от необходимости еще раз рассказывать, кто ты.

Какие фильмы любишь. Чего боишься. Почему не общаешься с кем-то из семьи. Откуда шрам. Почему прошлые отношения закончились. Что тебя раздражает. Какой кофе пьешь. Почему иногда замолкаешь. Как будто каждый новый человек получает форму на сорок страниц, которую надо заполнить собственной биографией.

А потом он уходит и следующий просит заполнить снова.

— Отдохни, — сказал я.

— От любви?

— От мужиков.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для меня пока да.

— Тогда от всего.

Она усмехнулась.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Мне спокойно.

— Это же хорошо.

— Не знаю.

Она посмотрела на меня.

— Раньше, когда никого не было, мне хотелось, чтобы кто-нибудь появился.

— А сейчас?

— Ничего не хочется.

Я пожал плечами.

— Может, наконец поумнела.

Это была шутка. Плохая. Я понял сразу. Люба тоже. Но не обиделась. Просто кивнула.

— Может.

И вот это мне не понравилось. Лучше бы послала нахуй. Лучше бы показала средний палец. Сказала, что через неделю выходит замуж за мужчину, которого встретила в очереди за шаурмой. Это была бы Люба. А женщина передо мной пила кофе и выглядела так, будто наконец научилась не наступать на грабли. Почему-то победой это не казалось.

— И как долго она была одна? — спросил мужчина.

— Не знаю.

— Вы перестали общаться?

— Я снова сменил работу.

— Часто вы это делаете.

— Есть такое.

— Убегаете?

Я посмотрел на него.

— Сейчас начнется?

— Я просто спросил.

— Тогда просто нет.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

— Иногда бар закрывается. Иногда платят мало. Иногда начальство долбоебы.

— Иногда?

— Хорошо. Часто.

Он засмеялся.

— В общем, Любу я потом видел еще несколько раз. Случайно.

— Одну?

— Один раз с подругой. Один раз с каким-то мужчиной.

Он улыбнулся.

— Значит, снова.

— Может быть.

— Вы не спросили?

— Нет.

— Почему?

Я пожал плечами.

— В тот момент понял, что это вообще не мое дело.

— Раньше было?

— Раньше я был моложе.

— Насколько?

— Настолько, чтобы считать чужую жизнь понятной.

Мужчина кивнул. Я посмотрел в окно.

— Но она выглядела хорошо.

— С женщиной?

— Да.

— Влюбленной?

Я задумался.

— Не знаю.

— Вы же замечаете.

— Не все.

— Но обычно.

Я снова попытался вспомнить. Люба сидела в кафе. Не у меня. Я просто проходил мимо столика. Она увидела меня.

Закричала:

— Лысый!

На весь зал.

Вот сука.

Я подошел.

Она обняла.

Представила мужчину.

Имени я не запомнил.

И впервые не пытался.

Он пошутил.

Она засмеялась.

Потом посмотрела на него.

Всего на секунду.

И я увидел знакомое.

Не то безумное сияние первых месяцев.

Не эту ее привычку превращать человека напротив в центр Вселенной.

Что-то спокойнее.

Может, просто взрослее.

А может, мне хотелось так думать.

— Наверное, да, — сказал я.

— Что?

— Наверное, была.

Мужчина улыбнулся.

— Хорошо.

— Почему вам так важно?

Он пожал плечами.

— Мне нравится Люба.

— Вы даже ее не знаете.

— Вы уже говорили.

— И это вас не останавливает.

— А должно?

Я усмехнулся.

— Вот вы двое поладили бы.

— Возможно.

— Она бы вас заебала.

— Возможно.

— А потом влюбилась.

Он посмотрел на меня.

— Не обязательно.

— Обиделись?

— Нет.

— Жаль.

Я налил воды. Он протянул стакан. Я долил.

— Так что, — спросил мужчина, — вы все еще считаете, что она была глупой?

Я оперся ладонями о стойку.

— Иногда.

— За что?

— За женатого.

— Согласен.

— За Максима после первой измены.

— Возможно.

— За некоторых других.

— Хорошо.

— Но...

Я замолчал.

Он ждал.

— Что?

Я посмотрел на мокрую витрину.

— Наверное, я неправильно понимал, что именно в ней было странным.

— А что было?

— Она каждый раз думала, что может получиться.

— Даже когда раньше не получилось.

— Да.

— И это вас раздражало.

— Очень.

— Почему?

Я рассмеялся.

— Вы опять хотите поговорить обо мне.

— Мы всю ночь говорим о вас.

— Нет. Мы говорим о Викторе. Любе.

— Именно.

Он сказал это совершенно серьезно, поэтому стало еще хуже.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, потому что мне казалось: если человек достаточно раз обжегся, он должен понять.

— Что?

— Что огонь горячий.

— И перестать подходить к огню?

— Хотя бы не совать туда руку.

— А если хочет согреться?

Я посмотрел на него.

— Вот опять ваши метафоры.

— Ваша была первая.

— Пользуетесь служебным положением.

Он улыбнулся.

— Вы знаете, я все время думаю об одной вещи.

— Уже страшно.

— Вы считаете недоверие признаком опыта.

— Иногда.

— А доверие после плохого опыта — глупостью.

— Часто.

— Получается странно.

— Что именно?

— Человек, которого предали один раз и который после этого перестал доверять всем, у вас научился.

Он сделал маленькую паузу.

— А человек, которого предавали много раз и который все равно способен довериться кому-то новому, ничему не научился.

Я ничего не ответил.

— Может быть, он просто выучил другой урок?

— Какой?

— Что следующий человек — не предыдущий.

Я провел пальцем по краю стойки.

Чисто.

Конечно.

— Красиво звучит.

— Это плохо?

— Обычно подозрительно.

— Почему?

— Красивыми фразами люди очень любят прикрывать глупости.

— И тяжелые вещи.

— Иногда.

— Может, Люба просто не хотела делать из своей боли мировоззрение.

Я поднял глаза. Мужчина смотрел на стакан. Не на меня.

— Это уже слишком конкретно.

— Почему?

— Потому что так не бывает.

— Как?

— Чтобы человек пережил достаточно хуйни и не изменился.

— Я не сказал, что она не изменилась.

— Тогда?

Он поднял глаза.

— Может быть, измениться и ожесточиться — не одно и то же.

Вот теперь я ничего не сказал. Не потому что согласился, просто мысль зацепилась где-то внутри и не хотела сразу превращаться в ответ. Я всегда считал, что недоверие приходит с опытом, почти как седина. Ты встречаешь людей. Они обещают. Не выполняют. Любят. Перестают. Остаются. Уходят. Говорят одно. Делают другое. И постепенно ты становишься умнее. По крайней мере, так я это называл. Умнее. Осторожнее. Наблюдательнее. Их труднее набить. Очень удобный список.

Никто почему-то не добавляет туда:
труднее удивить.

труднее приблизиться.

труднее остаться.

Я почувствовал, что мысль пошла куда-то, куда мне сегодня уже совершенно не хотелось, поэтому остановил ее проверенным способом.

— Все равно мохито зимой — красный флаг.

Мужчина засмеялся.

— Наконец-то что-то объективное.

— Спасибо.

— А если человеку нравится?

— Некоторые люди любят изюм в плове. Мы не обязаны одобрять все.

Он покачал головой.

— Тяжело вам.

— Ужасно.

Мы снова замолчали. Музыка тихо играла где-то над нами. Я давно перестал замечать конкретные песни. Остался просто фон. Дождь за стеклом. Холодильники. Свет. Мужчина напротив и люди, которых здесь уже давно не было.

— Вы любили? — спросил он.

Я поднял глаза.

Вот так.

Без подготовки.

— Мы про Любу.

— Я помню.

— Тогда зачем?

— Интересно.

Я усмехнулся.

— Вы совсем обнаглели.

— Немного.

— Да.

Он ждал.

Я мог не отвечать.

Наверное, следовало.

Вместо этого сказал:

— Любил.

— Один раз?

— Нет.

— По-разному?

Я посмотрел на него.

— А бывает одинаково?

Мужчина слегка улыбнулся.

— Не знаю.

— Вот и я.

Я взял стакан.

Воды там почти не осталось.

— Но Любу я все равно не понимаю.

— Почему?

— Потому что после всего она продолжала.

— А вы?

Я поставил стакан.

— Что я?

— Продолжили?

Я посмотрел на него. Этот вопрос оказался слишком простым настолько, что спрятаться за формулировкой не получилось.

Я усмехнулся.

— Следующий человек.

Мужчина не отвел взгляд.

Потом улыбнулся.

— Хорошо.

И, как всегда, не стал добивать. За это я уже начинал быть ему благодарен, хотя никогда бы не сказал. Я взял наши стаканы.

— Еще вода?

— Вы пытаетесь сменить тему?

— Я пытаюсь вас обслуживать.

— Бар закрыт.

— Не душните.

— Это ваша фраза?

— Теперь моя.

Я налил. Поставил стакан перед ним.

— Люба, — сказал мужчина.

— Что Люба?

Он поднял воду, будто хотел произнести тост.

— Пусть у нее получилось.

Я посмотрел на него. Потом тоже поднял стакан.

— С чем?

— Не знаю.

Я улыбнулся.

— Отличный тост.

— Вы сами сказали, что не знаете, чем закончилась история.

— И что?

— Значит, можно выбрать хороший вариант.

Я подумал.

— Ладно.

Мы слегка коснулись стаканами.

Стекло тихо звякнуло.

— За хороший вариант, — сказал я.

И выпил воду.

Американо с сахаром

После Любы разговор как-то сам закончился. Не оборвался. Просто дошел до места, после которого добавлять что-то было уже необязательно. Я собрал стаканы. Мужчина остался сидеть напротив. Музыка играла тихо. Я уже давно перестал замечать, что именно. За окном все еще было мокро, хотя дождь, кажется, почти закончился.

Я протер стойку. Проверил бутылки. Поправил одну. Потом вторую. Первая после этого показалась кривой. Вернул ее обратно.

Мужчина наблюдал.

— Что?

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Вы три раза переставили одну бутылку.

— Она стояла неправильно.

— В первый раз или во второй?

Я посмотрел на бутылку.

— Сейчас правильно.

— Понял.

Он сказал это с таким видом, будто понял значительно больше, чем требовалось. Я решил не уточнять. Несколько минут мы молчали, потом мужчина спросил:

— А кофе можно?

Я посмотрел на него.

— Можно.

— Американо.

— Хорошо.

— С сахаром.

Я кивнул.

— Сколько?

— Две ложки.

— Хорошо.

И пошел к кофемашине. Уже возле нее остановился. Кофемашина блестела. Вот прямо издевательски. Холдеры были вымыты. Группы прочищены. Поддон чистый. Стимер протерт. Кофемолка тоже уже пережила вечернюю процедуру и впервые за смену выглядела так, будто никогда в жизни не видела кофейного зерна. Все было готово к тому, чтобы я выключил свет и ушел домой. Я посмотрел на кофемашину, потом на мужчину. Он поймал взгляд, посмотрел на машину и снова на меня.

— Вы ее уже помыли?

— Да.

— И кофемолку?

— Да.

Я взял чашку.

— Тогда не надо.

— Почему?

— Потому что вы все уже убрали.

— Вы кофе хотите?

— Хочу, но...

— Значит, будет кофе.

Я взял зерно.

— Я могу воду пить.

— Можете.

— Мне нормально.

— Я рад.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Он замолчал. Я смолот порцию. Тишина закрытого бара сразу закончилась. Кофемолка в пустом помещении звучала значительно громче, чем днем. Короткий механический рев — и снова тихо.

Мужчина смотрел.

— Вас это вообще не раздражает?

— Что?

— Вы все помыли. Я попросил кофе.

— Да.

— Теперь придется мыть снова.

— Да.

— И?

Я посмотрел на него.

— Что «и»?

Он чуть улыбнулся.

— Ничего.

— Вот и я не понимаю.

Я распределил кофе в холдере.

Темпер.

Пролив.

— Если я не хочу что-то делать, я скажу, что не буду делать.

— А если хотите уйти домой?

— Я хочу уйти домой с момента, когда пришел на работу.

Он рассмеялся.

— Это другое.

— Ничего другого.

Темная струя пошла в чашку.

— Вы попросили кофе. Я сказал, что могу сделать кофе.
Значит, делаю кофе.

— Даже после закрытия?

— Вы уже внутри.

— Сильный аргумент.

— Сам удивлен.

Я поставил вторую чашку.

Мужчина посмотрел.

— А это?

— Себе.

— Тоже захотели?

— Вы напомнили, что существует кофе.

— Простите.

— Уже поздно.

Приготовил второй эспрессо. Добавил горячую воду. Поставил одну чашку перед мужчиной. Вторую оставил себе. Рядом стояли бутылки с сиропами и рабочие емкости. Я взял сахар. Две ложки. Размешал. Подвинул ему чашку.

— Американо. Два сахара.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Я сделал глоток своего. Вот теперь идея мужчины перестала казаться настолько плохой. Кофе ночью вообще вещь странная.

Организм говорит тебе, что хочет спать.

Ты отвечаешь:

«Нет».

И покупаешь себе еще немного времени. Хотя конкретно сегодня времени у меня почему-то и так было слишком много.

Мужчина попробовал.

— Хороший.

— Угу.

— Это профессиональная оценка?

— Это человек, который уже замыл кофемашину.

Он улыбнулся.

— Все-таки раздражает.

— Не вы.

— А что?

Я посмотрел на машину.

— То, что придется мыть второй раз.

— Так я об этом и говорю.

— Нет. Вы спрашиваете, раздражает ли меня ваша просьба. Не раздражает.

Он немного подумал.

— Есть разница?

— Конечно.

— Какая?

— Огромная.

Я отпил кофе.

— Работа иногда неудобная. Это не значит, что виноват человек, который попросил тебя ее сделать.

Мужчина посмотрел на меня.

— Хорошее правило.

— Я не говорил, что всегда его соблюдаю.

Он рассмеялся. Я тоже.

— Особенно когда заказывают десять мохито за пятнадцать минут до закрытия.

— А одно?

— Смотря какое у вас лицо.

Он покачал головой. Я сделал еще глоток. Американо получился нормальный. Даже хороший. Мужчина отпил свой. И тут я посмотрел на его чашку. Американо с сахаром. Почему-то засмеялся. Сам.

Мужчина опустил чашку.

— Что?

— Ничего.

— Я что-то сделал?

— Нет.

— Тогда почему смеетесь?

Я уже вспомнил.

И чем отчетливее вспоминал, тем смешнее становилось.

— Просто был у меня один человек.

— Опять?

— Я работаю в баре. У меня их много.

— И что с ним?

Я посмотрел на его чашку.

— Он был очень терпеливый.

— Насколько?

— Четыре американо.

Мужчина нахмурился.

— Это единица терпения?

— В его случае — да.

Я поставил чашку.

— Геннадий его звали.

Это был еще не тот бар.

Другой.

Я тогда пришел на смену после выходного. Сменщик передал бар. Все нормально. Касса сошлась. Заготовки есть. Холодильники забиты. Никто ничего не разбил. Уже подозрительно хорошее начало дня. У нас возле кофейной станции стояли две одинаковые бутылки. Обычные пластиковые.

Без подписей. В одной — сахарный сироп. В другой — раствор лимонной кислоты. Почему они не были подписаны? Потому что человеческая цивилизация развивалась несколько тысяч лет, чтобы в итоге два бармена сказали:

«Да мы и так знаем, где что стоит».

И мы знали. Лимонная кислота слева. Сахар справа. Всегда. Это и была наша система маркировки. Надежная примерно до первого человека, который решит помыть полку. Сменщик помыл. И переставил бутылки. Я этого не знал. Геннадий пришел вечером. Он к тому моменту уже был постоянником. Сел на свое обычное место.

— Американо, — сказал он.

— С сахаром?

— Да.

Я сделал кофе. Добавил сахарный сироп. По крайней мере, был уверен, что сахарный. Подал. Геннадий попробовал. Ничего не сказал. Выпил.

Минут через сорок:

— Еще один.

Я сделал второй. Та же бутылка. Та же порция. Он снова выпил.

Я работал.

Людей было много.

Кто-то заказывал коктейли.

Кто-то пиво.

Кто-то пытался объяснить мне, что в другом заведении

ему наливали больше.

Обычный вечер. Геннадий сидел и пил кофе. Потом заказал третий.

— Еще американо?

— Да.

— С сахаром?

— Да.

Третья чашка.

Он попробовал.

Посмотрел на нее.

Я это даже заметил.

— Все нормально?

Геннадий поднял глаза.

— Да.

И продолжил пить.

Вот здесь, конечно, можно сказать, что я должен был что-то заподозрить.

Но люди иногда смотрят на кофе.

Не преступление.

Четвертый он заказал часа через полтора.

Я даже удивился.

— Вы сегодня спать не планируете?

— Когда-нибудь.

— Хороший план.

Сделал четвертый. Добавил «сахар». Подал. Геннадий выпил и его. Четыре. Четыре ебанных чашки американо с ли-

монной кислотой и человек не сказал мне ни слова. Обнаружилось все случайно. За стойкой сидел другой гость. Он заказал какой-то напиток, попробовал и попросил:

— Можно чуть слаще?

— Конечно.

Я взял бутылку.

Добавил.

Размешал.

Отдал.

Он попробовал.

Лицо изменилось мгновенно.

— А можно вопрос?

— Да.

— Вы что туда добавили?

Я посмотрел на бутылку.

— Сахар.

— Попробуйте.

Вот эту фразу от гостя бармен слышать не любит. Я взял трубочку. Капнул немного на руку. Лизнул. И почувствовал, как у меня внутри буквально остановилась смена. Кисло. Не «сахар немного испортился». Не «сироп странный». Лимонная кислота. Я медленно посмотрел на бутылку. Потом на вторую. Потом снова на первую. Поменял их местами. И в этот момент вспомнил четыре чашки американо. Я повернулся к Геннадию. Он сидел метрах в трех. Смотрел на меня. И, сука, улыбался.

Я подошел.

— Геннадий.

— Да?

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Кофе нормальный был?

Он посмотрел на пустую чашку.

Потом на меня.

— Не очень.

— А чего вы молчали?

— А что надо было сказать?

Я несколько секунд просто смотрел.

— Например: «Бармен, какого хуя кофе кислый?»

Геннадий засмеялся.

— Я думал, зерно такое.

— Четыре раза?!

— Ну.

— Вы четыре раза выпили кофе с лимонной кислотой.

Он замер.

— В смысле?

Я показал бутылку.

— Это не сахар.

Он посмотрел. Потом на меня.

— А что?

— Лимонная кислота.

Несколько секунд он молчал. Я уже приготовился к чему

удочно. К раздражению. К претензии. К совершенно справедливому вопросу, какого хрена происходит в этом заведении. Геннадий посмотрел на чашку. Потом на меня. И начал смеяться.

— Все четыре?

— Все четыре.

Он согнулся над стойкой.

— Блядь.

— Мне вообще не смешно.

Это была неправда.

Мне уже тоже было смешно.

— Я еще думаю, — сказал Геннадий сквозь смех, — что за ебаная мода на кислый кофе.

Я не выдержал.

Засмеялся.

— А сказать нельзя было?

— Я не хотел доебываться.

— Геннадий, вы пили лимонную кислоту!

— Я думал, вы так задумали!

— Кто?!

— Бариста!

— Я бармен!

— Какая разница?!

— Огромная!

Он смеялся.

Я смеялся.

Другой гость, из-за которого все обнаружилось, тоже уже смеялся.

Через минуту я вылил обе бутылки.

Подписал новые.

Большими буквами.

САХАР.

КИСЛОТА.

Потом подумал.

На бутылке с кислотой дописал:

НЕ ГЕННАДИЮ.

Он увидел.

— Пошел ты.

— Техника безопасности.

— Сделай нормальный кофе.

Я посмотрел на него.

— Пятый?!

— Теперь мне интересно, какой он должен быть.

Сделал.

С сахаром.

Настоящим.

Поставил перед ним.

Геннадий попробовал.

Задумался.

Я ждал.

— Ну?

Он пожал плечами.

— Если честно, уже непривычно.
Я чуть не кинул в него салфеткой.

Мужчина напротив смеялся.

Так, что пришлось поставить чашку на стойку.

— Четыре? — переспросил он.

— Четыре.

— И ни разу ничего не сказал?

— Ни слова.

— Почему?

— Вот такой был человек.

— Терпеливый?

Я усмехнулся.

— Я тогда тоже так думал.

— А потом?

Я посмотрел на свою чашку.

Вот здесь воспоминание уже переставало быть только смешным.

— Потом я узнал Геннадия получше.

— И?

Я сделал глоток.

— Оказалось, он вообще очень долго терпел то, что ему не нравилось.

Мужчина чуть изменился в лице.

Совсем немного.

Улыбка еще оставалась.

— Например?

Я поставил чашку.

— Много чего.

— Расскажите?

Я посмотрел на остаток кофе.

Потом на мужчину.

— Геннадий никогда не спрашивал, сколько что стоит.

Глава IV. Геннадий

Геннадий никогда не спрашивал, сколько что стоит.

Наверное, поэтому история с четырьмя американцами с лимонной кислотой подходила ему особенно хорошо. Другой человек после первой чашки позвал бы меня. После второй — администратора. После третьей написал бы отзыв. После четвертой, вероятно, потребовал бы долю в заведении в качестве моральной компенсации.

Геннадий просто решил, что такой кофе.

Он вообще долго терпел вещи, которые ему не нравились. Тогда я считал это хорошим качеством. Сейчас уже не уверен.

— Он был богат? — спросил мужчина.

— Очень.

— Насколько?

— Настолько, что цены в меню перестали быть для него информацией.

— Удобно.

— Очень.

Я взял свою чашку.

Кофе уже немного остыл.

— В этом вообще проблема разговоров о богатых людях.

— Какая?

— Все сразу хотят услышать, как деньги сделали человека

несчастливым.

— А его сделали?

— Нет.

Мужчина чуть поднял брови.

— Совсем?

— Деньги?

— Да.

— Они сделали его жизнь намного лучше.

Он улыбнулся.

— Неожиданно.

— А чего вы ждали?

— Фразы про то, что счастье не купишь.

— Геннадий купил себе квартиру, машину, хорошую медицину, безопасность, отпуск, образование детям и возможность не думать, сколько осталось до зарплаты.

Я пожал плечами.

— По-моему, неплохой набор.

— Значит, деньги все-таки приносят счастье?

— Я этого не сказал.

— А что сказали?

— Что отсутствие денег очень хорошо приносит несчастье.

Мужчина задумался.

— Это точнее.

Геннадий не родился богатым и это, думаю, многое объясняло. Не было никакой красивой истории про голодное дет-

ство под одной лампочкой. Обычная семья. Обычная квартира. Обычная жизнь людей, которые работают, получают зарплату и все равно каждый месяц немного не понимают, куда она делась.

Отец работал.

Мать работала.

Денег хватало.

Потом не хватало.

Потом снова хватало.

А потом отец потерял работу.

Вот этот период Геннадий помнил хорошо.

Особенно кухню.

— Почему кухню? — спросил мужчина.

— Его мать там деньги считала.

Не крупные купюры. Мелочь. Высыпала из кошелька на стол. Монеты звенели о клеенку.

Проезд.

Хлеб.

Молоко.

Еще что-то.

Геннадий был маленьким и не понимал, сколько именно семье не хватает, но видел лицо матери. Этого оказалось достаточно.

Однажды он сказал мне:

— Я тогда решил, что у меня так не будет.

— Как?

— Денег не будет не хватать.

Я усмехнулся.

— Амбициозно.

— Зато сработало.

И ведь сработало. В восемнадцать он уже где-то работал. В двадцать с небольшим полез в бизнес. Первый прогорел. Потом второй почти прогорел. Потом что-то получилось. Он рассказывал про это кусками. Никогда не произносил вдохновляющих речей про путь предпринимателя.

Скорее:

— Там партнер долбоеб оказался.

Или:

— Банк чуть не похоронил.

Или:

— Два года работали в ноль.

Очень плохо подходит для бизнес-форума, ну зато я верил. К тридцати он уже зарабатывал хорошо. Потом очень хорошо. А еще через несколько лет, по его словам, перестал понимать разницу между «дорого» и «неразумно дорого».

— Это как? — спросил я однажды.

Он посмотрел на часы.

— Вот эти я купил дорого.

— А неразумно дорого?

— Вторые.

— Какие вторые?

— Которые дома.

— Ненавижу вас.

— Завидуешь.

— Разумеется.

Он засмеялся.

Я никогда особенно не стеснялся зависти. Если человек может утром решить, что хочет на неделю в Италию, купить билет и вечером улететь, я ему завидую. Нормальная реакция. Геннадий мог.

Если ломалась машина — ремонтировал.

Если не нравилась — покупал другую.

Если родители жаловались на соседей — в какой-то момент просто купил им другую квартиру.

Если ребенок хотел учиться в хорошем университете — вопрос состоял не в том, хватит ли денег, а в том, поступит ли ребенок и это огромная разница. И Геннадий ее прекрасно понимал.

Он любил деньги.

Не купюры.

Возможности.

Однажды я спросил:

— Когда достаточно?

— Чего?

— Денег.

Он задумался.

— Когда перестаешь считать.

— Вы уже не считаете.

— Значит, достаточно.

— Тогда зачем работаете столько?

Он посмотрел на меня.

Вот тут ответа не было.

— Потому что умею, — сказал он наконец.

Мне тогда понравилась эта фраза. Позже она стала звучать немного иначе. Работал он действительно много. Иногда приезжал в бар прямо после переговоров. Иногда еще разговаривал по телефону, пока садился. Телефон у него вообще жил отдельной жизнью.

Звонил. Мигал. Вибрировал.

Геннадий смотрел на экран и переворачивал его вниз. А через минуту снова смотрел.

— Виски, — говорил он.

Я наливал.

— День хороший?

— Нет.

— День плохой?

— Люди плохие.

— Это дольше лечится.

— Я знаю.

Однажды он был особенно злой.

Сел.

Снял пиджак.

Положил телефон.

— Двойной.

— Уже настолько?

— Уже.

Я налил.

Он выпил половину.

— Представляешь, человеку платят триста тысяч.

Я зарабатывал заметно меньше.

— С трудом, но попробую.

— Машина служебная.

— Сочувствую.

— Квартиру компания оплачивает.

— Геннадий, вы сейчас очень плохо выбираете аудиторию.

Он посмотрел на меня. Потом понял и засмеялся.

— Да пошел ты.

— Продолжайте. Мне интересно, насколько ужасна жизнь этого человека.

— Бизнес-класс в командировках.

Я прижал руку к груди.

— Хватит.

— И все равно ворует.

Вот тут я перестал шутить.

— У вас?

— У компании.

— Сколько?

— Неважно.

— Тогда почему так беситесь?

Он резко поставил стакан.

— Потому что я не понимаю зачем.

— Денег хочет.

— Я ему дам.

— Еще?

— Если он приносит больше, чем получает, да.

— А если хочет еще больше?

Геннадий раздраженно провел ладонью по лицу.

— Так пусть скажет.

— Может, боится.

— Чего?

Я посмотрел на него.

— Вас.

Он замолчал.

— Меня?

— Например.

Геннадий рассмеялся.

Но не сразу.

— Я что, страшный?

— Сейчас немного.

— Я ему триста плачу.

— Это не делает вас приятным человеком.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Он допил.

Подвинул стакан.

— Еще.

Я налил.

— Я все условия создал, — сказал он. — Все. Чтобы нормально работали.

— Может, людям недостаточно условий.

— А чего им еще надо?

— Не знаю.

— Ты же людей понимаешь.

— Кто вам такое сказал?

— Я вижу.

Я усмехнулся.

— Я понимаю, когда человеку нужно повторить виски.

— Уже полезно.

Он выпил и вдруг сказал:

— Я просто всегда думал, что если людям дать достаточно, они будут довольны.

Вот эта фраза потом возвращалась в его истории несколько раз. Только Геннадий этого не замечал. Я тоже сначала не замечал. Мать заболела через несколько лет.

Долго.

Не внезапно.

Наверное, внезапная смерть страшнее.

А может и нет.

С длинной болезнью человек получает время и тратит его на надежду.

Геннадий нашел лучших врачей. Потом других лучших

врачей, потому что первые лучшие сказали то, что ему не понравилось.

Москва.

Еще одна клиника.

Еще один профессор.

Лекарства.

Сиделки.

Отдельная палата.

Какая-то экспериментальная схема лечения.

Он платил.

Ни разу не жаловался на стоимость.

Наоборот.

Его раздражало, когда не могли назвать цену.

— Сколько стоит?

— Тут дело не в деньгах.

— Я спросил сколько.

Мне кажется, эта фраза стала его способом бороться со страхом. Пока существует сумма, существует действие. Пока можно кому-то заплатить, заказать, привезти, найти, организовать — ты не беспомощен. Геннадий не умел быть беспомощным. Он привык решать.

Мать умерла.

После этого он не появлялся почти два месяца. Потом однажды вечером зашел. Я увидел его еще от двери. Те же часы. Хорошее пальто. Телефон. Все на месте.

А человек какой-то не тот.

— Виски? — спросил я.

— Да.

Я налил.

Он сидел молча.

Не трогал стакан.

— Мама умерла, — сказал он.

— Соболезную.

Он кивнул.

— Спасибо.

Выпил.

Пауза.

— Знаешь, что самое смешное?

Я не знал.

— Я всем заплатил.

Он усмехнулся.

— Врачам. Сиделкам. За палату. За перелеты. За консультации. За лекарства. Был какой-то профессор — пятнадцать минут посмотрел бумаги. Я ему столько заплатил, сколько некоторые за месяц получают.

Я молчал.

— И каждый раз думал: ну сейчас.

Он посмотрел на меня.

— Сейчас найдется человек, который скажет сколько.

— Сколько чего?

— Сколько стоит, чтобы она не умерла.

Он сказал это совершенно спокойно.

Вот от этого стало хуже.

— Я реально думал, что где-то есть цена, но просто мне ее еще не назвали.

Я не знал, что сказать.

Поэтому сказал стандартное:

— Вы сделали все, что могли.

Геннадий посмотрел на меня и я сразу понял, насколько бесполезна эта фраза.

— Вот именно, — сказал он.

Не зло.

Даже не обиженно.

Просто устало.

Я поставил перед ним воду.

Он посмотрел.

— Я не просил.

— Знаю.

Выпил.

Через какое-то время ушел.

Чаевые оставил такие, что я несколько секунд смотрел на них и не понимал, что чувствую.

— Вернули? — спросил мужчина.

— Нет.

— Почему?

— Я человек принципов, но не настолько.

Он засмеялся.

Я тоже.

— Потратили?

— Конечно.

— На что?

— Вообще не помню.

— Значит, снова стали обычными деньгами.

Я посмотрел на него.

— Наверное.

Геннадий вернулся к работе довольно быстро.

Не знаю, как это выглядело изнутри.

Снаружи — обычная жизнь.

Совещания. Звонки. Переговоры. Виски. Шутки. Однажды приехал с женщиной. Красивая. Очень. Я подумал, что это новая девушка. Оказалось — жена.

— А вы раньше ее не видели? — спросил мужчина.

— Нет.

— Давно женаты?

— Тогда лет пятнадцать.

— И только первый раз пришли вместе?

— Вот.

Жену звали Марина. Спокойная. Ухоженная. Говорила немного. Геннадий рядом с ней тоже становился тише. Я даже удивился.

— Ты чего такой воспитанный? — спросил я, когда она ушла в туалет.

— Иди нахуй.

— Вот. Узнаю.

Он улыбнулся. Марина вернулась. Геннадий сразу перестал улыбаться так широко.

Я это заметил.

Конечно.

Они просидели часа два.

Не ссорились.

Не ругались.

Ничего странного.

Но в какой-то момент Марина рассказывала что-то про дочь.

Геннадий смотрел в телефон.

Она остановилась.

Подождала.

Он не заметил.

— Ген.

— А?

— Я тебе говорю.

— Да, я слушаю.

— Что я сказала?

Он замер.

Я отвернулся.

Некоторые сцены лучше не смотреть в упор.

— Про школу, — сказал Геннадий.

— Про врача.

— А.

Марина улыбнулась.

Очень спокойно.

Вот эта улыбка мне не понравилась. Не потому что злая. Потому что привычная. Как будто подобный разговор у них происходил уже сто раз.

— Извини, — сказал Геннадий.

Положил телефон экраном вниз.

— Говори.

Она продолжила. Минут через пять телефон завибрировал.

Он посмотрел.

Не взял.

Еще через минуту снова.

Взял.

— Я быстро.

Марина посмотрела на меня.

На секунду.

И улыбнулась.

Мне.

Не ему.

Так иногда улыбаются незнакомому человеку в лифте, когда рядом происходит что-то неловкое.

«Ну вот. Видите сами».

Я ничего не сказал.

Геннадий закончил звонок.

— Простите.

— Ничего, — сказала Марина.

И снова вот это «ничего».

У людей очень много проблем начинается с вещей, про которые они слишком долго говорят «ничего». Через пару месяцев Геннадий пришел один. Сел.

— Виски.

Я налил.

— Как дела?

— Развожусь.

— А.

Больше я ничего не придумал.

— Поздравлять не надо, — сказал он.

— Не собирался.

— Хотя, может, надо.

— Определитесь, у меня сервис индивидуальный.

Он усмехнулся.

Выпил.

— Ушла.

— Марина?

— Нет, блядь, мой бухгалтер.

— Вдруг.

— Конечно Марина.

Он подвинул стакан.

Я налил еще.

— Другой мужчина?

Геннадий посмотрел на меня.

— Почему сразу другой мужчина?

— Статистика.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда почему?

Вот здесь Геннадий начал злиться.

Не на меня.

На вопрос.

— Не знаю.

— Она не сказала?

— Сказала.

— Тогда?

— Хуйню сказала.

— Какую?

Он сделал глоток.

— Что меня никогда нет.

Я посмотрел на него.

— Вас сейчас здесь тоже нет.

— Не начинай.

— Я серьезно.

— Я дома был.

— Часто?

— Я работал.

— Я не спрашивал.

Геннадий посмотрел на меня.

— Ты сейчас на ее стороне?

— У меня нет стороны.

— Похоже.

— Геннадий, вы пришли ко мне и сказали, что не понимаете. Я спрашиваю.

Он молчал.

— Я все для них сделал, — сказал он.

Вот.

Снова.

Та же фраза.

— Квартира.

Он загибал пальцы.

— Дом.

Еще один.

— Машина у нее.

Еще.

— Дети учатся где хотят.

— Понял.

— Отдыхать ездили.

— Да.

— Ей работать вообще не надо было.

Он посмотрел на меня.

— Чего не хватало?

Я не ответил.

— Вот ты мне скажи.

— Не знаю вашу семью.

— Ты ее видел.

— Один раз.

— Но людей же видишь.

— Я бармен, Гена, а не шаман.

Он раздраженно отвернулся.

Потом засмеялся.

— Блядь.

— Что?

— Реально думал, ты сейчас что-нибудь умное скажешь.

— Могу придумать.

— Не надо.

Он выпил.

Через минуту сказал:

— Она сказала, что устала быть замужем за банковским приложением.

Я посмотрел на него.

— Сильная фраза.

— Да иди ты.

— Это она придумала?

— Да.

— Тогда правда сильная.

— Заебал.

Я улыбнулся.

Он тоже, но ненадолго.

— Я не понимаю.

— Что именно?

— Я же не бухал.

— Да.

— Не бил.

— Надеюсь.

— Не изменял.

— Хорошо.

— Деньги домой.

Я чуть не рассмеялся.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

— Вы сейчас перечисляете минимальные системные требования к мужу.

Геннадий посмотрел.

— В смысле?

— «Не бью. Не изменяю. Приношу деньги».

— А что еще надо?

Я открыл рот и понял, что понятия не имею. Тогда особенно.

— Вот, — сказал Геннадий. — Даже ты не знаешь.

— Это ничего не доказывает.

— Я пахал пятнадцать лет.

— Верю.

— Для них.

— Верю.

— Чтобы они никогда не жили так, как я.

Вот это уже было не про деньги.

Я услышал.

— Я хотел, чтобы детям вообще было похуй, сколько стоит новая обувь.

Он говорил быстрее.

— Чтобы Марина не думала, хватит ли до конца месяца. Чтобы мать...

Остановился.

Мать.

Конечно.

Все снова возвращалось туда.

К монетам на кухонном столе.

— У вас получилось, — сказал я.

Геннадий посмотрел.

— Что?

— Они не думали о деньгах.

— Тогда в чем проблема?

— Не знаю.

Он ударил ладонью по стойке.

Не сильно.

Просто от бессилия.

— Вот именно!

Я налил воду.

— Опять?

— Пейте.

Он выпил.

Мы молчали.

Потом Геннадий сказал:

— Она сказала, что ей было одиноко.

Я посмотрел на него.

Он смеялся.

Тихо и зло.

— Представляешь?

Я ничего не сказал.

— Трое детей. Огромный дом. Подруги. Я. Поездки. И ей одиноко.

Вот тут я мог бы сказать что-то умное. Сейчас, возможно, даже сказал бы. Тогда я просто пожал плечами.

— Люди умудряются.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Быть одинокими не в одиночестве.

Геннадий не ответил.

Я тоже. Наверное, потому что фраза оказалась ближе ко мне, чем хотелось.

— И вы считали, что жена права? — спросил мужчина.

Этот вопрос вернул меня мысленно в закрытый бар. Наш кофе давно уже перестал быть горячим.

— Сейчас?

— Тогда.

— Тогда нет.

— Почему?

— Потому что мне Геннадий был понятнее.

— Чем она?

— Да.

Я пожал плечами.

— Мужик работал. Не гулял. Семью обеспечивал. Родителям помогал. Детям дал все.

— И?

— Мне казалось, что это довольно серьезный набор аргументов.

— А сейчас?

Я посмотрел в чашку.

— Сейчас я прожил чуть больше.

Мужчина ничего не сказал.

— Это не значит, что Марина была права во всем.

— Конечно.

— Я ее почти не знал.

— Да.

— Может, она тоже много чего сделала.

— Наверняка.

— Может, Геннадий вообще рассказывал мне только удобную ему версию.

— Скорее всего.

Я усмехнулся.

— Очень поддерживаєте.

— Вы сами это понимаете.

— Да.

Я поставил чашку.

— Но в одном я потом стал уверен.

— В чем?

— Геннадий действительно делал все это ради семьи.

— И?

— И действительно почти не был с ней.

Мужчина слегка кивнул.

— Люди иногда путают эти вещи.

— Какие?

— Делать для кого-то и быть с кем-то.

Я посмотрел на него.

— Вы опять красиво формулируете.

— Простите.

— Поздно.

Он улыбнулся.

— А Геннадий?

— Что Геннадий?

— Понял?

Я задумался.

— Не знаю.

Развод был долгим. Раздел имущества. Дом. Какие-то счета. Юристы. Договоренности. Геннадий злился на все. Особенно на то, что Марина отказалась от части денег.

— В смысле отказалась? — спросил мужчина.

— Вот и он так сказал.

Она могла потребовать больше. Не потребовала. Забрала то, что считала своим. Квартиру. Что-то еще и ушла. Генна-

для это буквально бесило.

— Я ей предлагаю дом.

— И?

— Не хочет.

— Почему?

— Говорит, ей не нужен.

— Может, не нужен.

— Кто отказывается от дома?

— Люди, которым дом не нужен.

— Он стоит...

Назвал сумму.

Я присвистнул.

— Вот!

— Что «вот»?

— Даже ты понимаешь!

— Я понимаю сумму.

— А она нет?

— Возможно, она понимает что-то другое.

Он посмотрел на меня.

— Опять начинаешь.

— Вы сами пришли.

— Лучше налей.

Я налил.

Через пару недель:

— Машину оставил ей.

— Хорошо.

— Вернула.

— Почему?

— Купила себе другую.

— Какую?

Он назвал.

Я пожал плечами.

— Нормальная машина.

— Хуже моей.

— Геннадий.

— Что?

— Может, в этом и идея?

Он замолчал.

— В чем?

— Что она хочет свою.

Вот тогда он впервые задумался. Не уверен, что над тем, о чем надо. Но хотя бы остановился. После развода он продолжал приходить. Иногда с женщинами. Иногда один. Женщины были красивые. Одна красивее другой. Не знаю, специально ли он выбирал таких или у богатого мужчины просто меняется статистика знакомств. Однажды пришел с девушкой, которая была младше его лет на двадцать. Она заказала шампанское. Геннадий — виски. Через час она ушла в туалет. Он посмотрел ей вслед.

Потом сказал:

— Думаешь, она со мной из-за денег?

Я посмотрел на него.

— Вы хотите честный ответ?

— Да.

— Понятия не имею.

— А если предположить?

— Ген.

— Что?

— Вы познакомились неделю назад.

— И?

— Вы приехали за ней на машине стоимостью с квартиру.

— Мне пешком надо было?

— Нет.

— Подарил цветы.

— Нормально.

— Серьги.

Я посмотрел на него.

— На первой неделе?

— Ну.

— А потом спрашиваете, почему деньги участвуют в отношениях.

Он нахмурился.

— То есть сам виноват?

— Я такого не говорил.

— Похоже.

— Я говорю, что вы постоянно кладете деньги на стол и потом удивляетесь, что все их замечают.

Геннадий долго молчал а потом рассмеялся.

— Сука.

— Что?

— Иногда ты неприятно разговариваешь.

— Я стараюсь делать это бесплатно.

— Особенно обидно.

Девушка вернулась. Геннадий улыбнулся ей и вечер продолжился.

Не знаю, была ли она с ним из-за денег.

Может, любила.

Может, понравился.

Может, деньги тоже нравились.

Люди вообще способны хотеть несколько вещей одновременно. Только нам почему-то всегда хочется выбрать одну настоящую причину. Так проще судить.

— А что он хотел в итоге? — спросил мужчина.

— Кто?

— Геннадий.

— От женщин?

— От жизни.

Я усмехнулся.

— Скромнее вопроса не нашлось?

— Вы же рассказывали.

Я подумал.

Первое, что хотелось сказать:

«Быть счастливым».

Но это ничего не значит. Все хотят. Даже люди, которые

очень стараются жить наоборот.

— Наверное, чтобы все было правильно, — сказал я.

— Что значит правильно?

— Вот поэтому у него и были проблемы.

Мужчина улыбнулся.

— У него была картинка.

Я продолжил:

— Семья. Дом. Дети. Деньги. Родители обеспечены. Жена рядом.

— Плохая картинка?

— Отличная.

— Тогда?

— Он ее построил.

— И?

— И почему-то решил, что когда все элементы будут на месте, дальше система должна работать сама.

Мужчина посмотрел на меня.

— Как бизнес.

— Наверное.

— Сотрудникам хорошие условия.

— Они должны быть довольны.

— Жене хороший дом.

— Она должна быть счастлива.

— Детям хорошее образование.

— Они должны быть благодарны.

Я кивнул.

— Матери лучшие врачи.

— Она должна выздороветь.

Мы оба замолчали. Вот это прозвучало уже неприятно.

— А когда не работает? — спросил мужчина.

— Геннадий злится.

— На людей?

— На мир.

— Есть разница?

— Для него была.

Мужчина провел пальцем по чашке.

— Может, успех приучает к плохой мысли.

— Какой?

— Что результат всегда можно получить, если достаточно хорошо все сделать.

Я хотел возразить.

Не стал.

— Иногда можно.

— Конечно.

— Поэтому люди и стараются.

— Конечно.

— Без этого вообще смысла нет что-либо делать.

— Я не спорю.

Он поднял глаза.

— Но если сто раз получилось, человек может решить, что сто первый результат ему тоже положен.

Я посмотрел на мужчину.

— А не положен?

— Не знаю.

— Хорошо устроились.

Он улыбнулся.

— Я серьезно.

— Я тоже.

За окном по мокрой улице проехала машина.

Свет фар скользнул по витрине и на несколько секунд осветил пустые столы.

— Мне Геннадий нравился, — сказал я.

— Я понял.

— Даже когда нес хуйню.

— Особенно тогда?

Я улыбнулся.

— Иногда.

— Почему?

Я подумал.

— Потому что он был настоящий.

— Это как?

— Не делал вид, что деньги не важны. Не рассказывал, что семья важнее работы, когда работа явно была важнее. Не говорил, что ему плевать на статус.

— Звучит не очень хорошо.

— Зато честно.

— Он сам понимал?

— Не всегда.

Я сделал последний глоток холодного кофе.

— Однажды он сказал мне: «Я хотел просто, чтобы у моих детей было все, чего не было у меня».

— Хорошее желание.

— Очень.

— Но?

Я поставил чашку.

— Потом выяснилось, что у его детей появились проблемы, которых не было у него.

Мужчина улыбнулся.

— Удобно люди устроены.

— Отвратительно.

— Решаете одну проблему...

— Получаете новую.

— Значит, бессмысленно?

— Нет.

Я ответил слишком быстро. Сам заметил. Мужчина тоже.

— Почему?

— Потому что я бы все равно предпочел новые проблемы старым.

Он засмеялся.

— Хороший ответ.

— Конечно. Лучше переживать, что ребенок ленится в дорогом университете, чем что ему нечего есть.

— Согласен.

— Вот.

Я указал на него.

— Поэтому не надо из Геннадия делать предупреждение о вреде денег.

— Я не делаю.

— Хорошо.

— А вы?

Я задумался.

— Тоже нет.

Посмотрел на пустую чашку мужчины.

— Наверное, проблема была вообще не в деньгах.

— А в чем?

Я улыбнулся.

— Вы очень хотите, чтобы у каждой истории был ответ.

— А у вас их нет?

— Есть.

— Какой?

— Мой.

— И?

Я пожал плечами.

— Мне кажется, Геннадий всю жизнь учился решать проблемы.

Мужчина слушал.

— И стал в этом чертовски хорош.

— А потом?

— А потом столкнулся с вещами, которые не были проблемами.

— В каком смысле?

— Жена не была проблемой.

Я начал загибать пальцы.

— Дети не проблема.

Еще один.

— Горе не проблема.

Еще.

— Одиночество.

Я остановился.

— Это все нельзя «решить» так же, как плохого подрядчика.

— А что с ними делать?

Я посмотрел на него.

— Если бы знал, наверное, работал бы в другом месте.

Мужчина засмеялся.

Я тоже.

Хорошо.

Так было проще закончить.

Я взял наши чашки.

Подошел к кофемашине.

Вот теперь действительно придется мыть второй раз.

Мужчина посмотрел мне вслед.

— Геннадий сейчас богат?

— Думаю, да.

— Женат?

— Не знаю.

— Счастлив?

Я включил воду.

Посмотрел на него через плечо.

— А вот это он никогда не говорил.

Я промыл холдер.

Вода шумела в пустом баре.

— Но однажды, — добавил я, — он снова заказал американо.

Мужчина улыбнулся.

— С сахаром?

— Да.

— Нормальным?

— Я лично проверил бутылку.

— И?

Я усмехнулся.

— Геннадий попробовал и сказал, что с лимонной кислотой было интереснее.

Мужчина рассмеялся.

Я тоже.

— Вот тогда я понял, что с ним, наверное, все будет нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.